

Литературный сборник писателя Петра Васильева состоит из сорока отдельных произведений, написанных в традициях сказителей былин Русского Севера. В них отражены наиболее значимые культурно-исторические события Присвирья и мифология народов, заселивших этот край в период раннего Средневековья. Автор уделил особое внимание и топонимике, чтобы помочь читателям разгадать тайны названий здешних рек, озёр и поселений.

ISBN 978-5-6043052-1-8

9 785604 305218

СОРОК СКАЗОВ ПРИСВИРЬЯ

Пётр Васильев

Пётр Васильев

СОРОК СКАЗОВ ПРИСВИРЬЯ

Сборник
литературно-краеведческих
произведений

Комитет по местному самоуправлению, межнациональным и межконфессиональным отношениям Ленинградской области

Пётр Васильев

СОРОК СКАЗОВ ПРИСВИРЬЯ

**Сборник
литературно-краеведческих
произведений**

Ленинградская область
2019

Предисловие

С незапамятных времен ходили по Руси сказители, пели-рассказывали сказки, былины. На Русском Севере народные сказания слушали люди под переливчатые звуки кантеле. Из века в век от деревни к деревне шли по северной земле рунопевцы, и голоса их разносились по берегам рек и просторам травостойных полей. С душевным трепетом и любовью автор погружает читателя в ушедший мир своей малой родины, пересказывая поэтическим языком своих предков наполненные мифологией сказания. В литературных сказах Присвирья есть ответы как на житейские, так и на вечные вопросы: как жили наши деды и прадеды, что пуше всего берегли на родной земле.

СКАЗ О СОТВОРЕНИИ МИРА

Сорок сказов, сорок присказок ждут-ждутся в теремах резных. Первый сказ — для добрых странников, для детишек роду разного, от звериного до птичьего, сказ журавушек-лебедушек да гусей крикливых с утками о яйце, но не кашеевом и не курочки-наседушки, а о первом и загадочном, что явилось морю бурному будто слово от кудесника, словно чудо из чудес.

Ничего в ту пору не было, даже звёзд и ясна солнышка, так мудрейшим людям ведали их седые праотцы, что услышали когда-то от мудрейшего из мудрых, он прожил подольше сосен вековых и необхватных, сам наслушавшись сказаний от ветров из Заонежья, от травы былинной тонкой, от всё помнящих камней.

Ведал-молвил старец мудрый: «Свет явился в хладном мраке, как костёр в ночном безлунье, будто родиной надежды, нитью северной звезды.

Грохотала неизвестность, отгоняя мглу и стылость, так рождалось в бездне чёрной необычное яйцо. Не простецкое, конечно, что увидишь на насестах, да и золота в нём было столь же в меру, как всего».

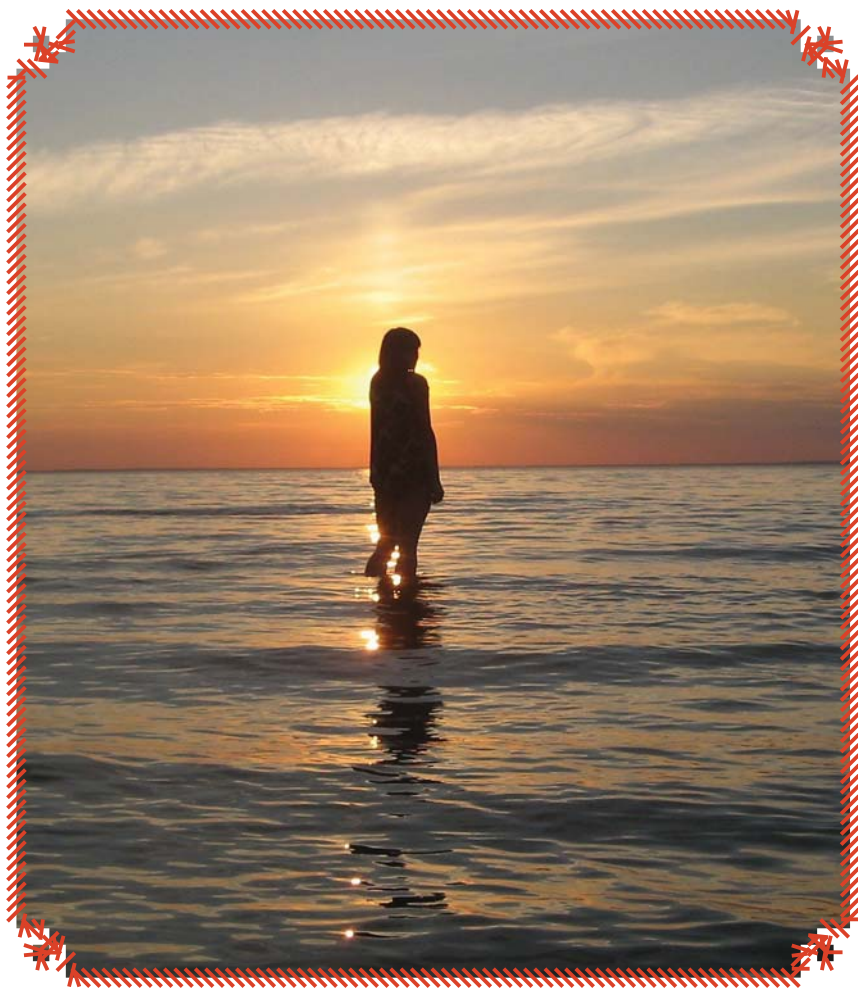
Из яйца явилась птица, а быть может, наважденье, говорили про медведя, про оленя да змею.

Каждый молвил то, что слышал от своих ушедших предков, а они передавали думы разных мудрецов.

Будто началось всё с солнца и с луны — его соседки, а потом явились силы, создававшие миры.

Кто-то из оленьей крови сотворил моря и реки, из костей, копыт — камня, из рогов его ветвистых древо — жизни всей вселенной да зелёные леса.

Молвил кто-то и про рыбу, то ль осётра-великана, то ль огромного кита, что был предком всех живущих и хранил во чреве солнце, на хвосте луну качая, россыпь звёзд усом цепляя.

Старцы слышали про утку, что подняла в клюве солнце, отыскав его в глубинах неизведанных морских, а потом луну достала, а за ней и землю нашу, да устала-утомилась, обронила в небесах.

Из её больших осколков и родились наши камни, что поднялись над волнами, будто лодок паруса.

На камнях росли деревья, на деревьях гнёзда вили птицы с песнями весны, с ними люди раньше жили, к небесам когда стремились,

уж потом с ветвей спустились, чтоб бродить по белу свету, на земле родной трудиться и выращивать плоды.

Много ветры слухов носят, много утекло воды, если нас о прежнем спросят, тайны предков сохраним, ведь и деды нас учили больше слушать и глядеть, говорить с душой по делу, чтоб с постыдными речами перед людом не краснеть...

Про невиданное сказом лишь начну свой пересказ о родимом нашем крае, что понадобится знать в сорока важнейших сказах, в мудрых присказках-словах.

СКАЗ О ДЕТЯХ БЕРЁЗЫ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-ждутся в термах резных, а сегодня мягким шелестом бересты в белёсой рощице, скрипами пера гусиного, на ветру верхушки сосенной, да осины легким трепетом, сказ про быль лесов берёзовых.

Говорили старцы прежние с бородищею белёсою, на зава-линке беседа, под домашними окошками, про берёзовое прошлое на родной своей земле.

Старцы деткам говорили про старинное житьё, как с дере-вьями дружили деды их родных дедов.

Белоствольною берёзой Свирь в былые времена на ветрах одна качалась, в даль с тоскою провожала птичьи стаи, облака, и Оять — её сестрица на загадочной вершине краснойгодной рябиной в одиночестве росла.

А поодаль и другие от святой Паши сосновой и до Ивы наклоненной с грустью долгою качались, но скопив печали слёзной и от ветра удалого враз упали, превратились в сеть речную меж холмов и меж озёр и струями вод ветвистых все с берёзою сплелись.

Там и люди появились у берёзовой воды, чуду дружно подивились, берега Свири обжили и детьми берёзы белой стали зваться с давних пор.

И с тех пор берёзы стали, будто маминой заботой, людям добрым помогать. В лютый холод жаром в печке, соком в жаркие деньки, в бане веником целебным, берестой в письме и в деле, чтоб сберечь, как будто кожей, всё, что нужно сохранить.

Из осин долблёнки вышли, дранки долгое покрытие, а из дуба — всё, что прочно, да большие корабли.

Сосны с елями венцами для житья и для души одарили род Присвирья, не забыв про лодьи-струги и надёжные полы.

Можжевельник, как святыня, защищал дома людские от напасти да беды.

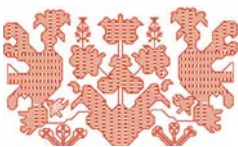
Верба первые соцветья, словно белыми свечами или зайчьими хвостами, людям дарит, будто веру, после холода зимы.

Ива ветками, корою тоже стала помогать, чтобы обувь стала лучше, было лыко для мочал.

А ольха всех одарила для копчения дымком.

Красотой сирень спасает, а черёмуха с калиной — своей ягодной душой.

Хороши дары берёзы, всех сестёр её зелёных, что над Свирью да Оятью превратились в добрый лес.

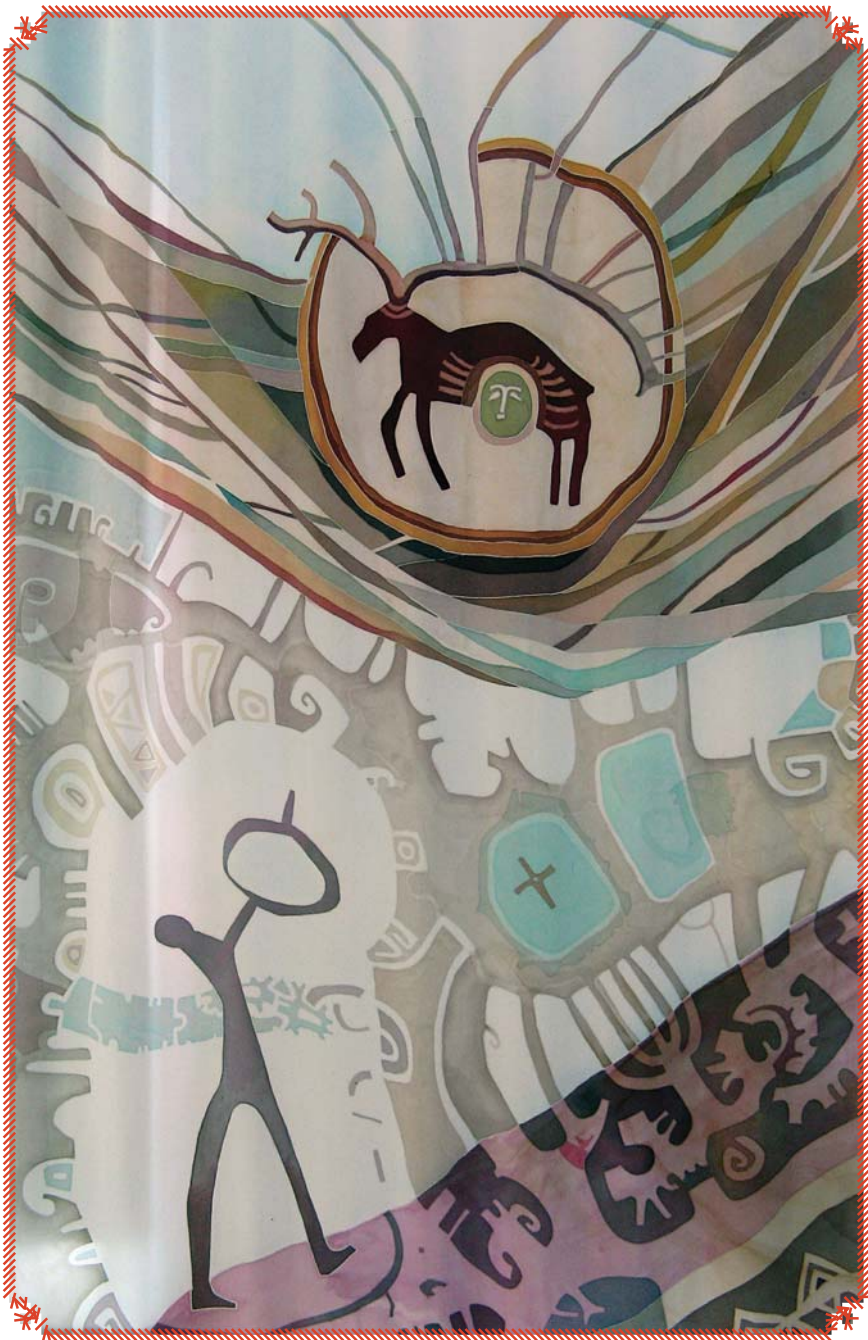
СКАЗ О СААМАХ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-дождутся в теремах резных, а сегодня лунным отсветом, валунов в реке молчанием да загадочным сиянием, среди звёзд в ночи мерцающим, в тёмном небе полыхающим, сказ про то, что не изведено, про таинственный народ.

У Свири любимой матушки, красотинушки-кормилицы были люди долго счастливы, не горды и не завистливы. Не страдали люди жадностью, зла и горести не ведали, да делились каждой радостью с гостем, словно предков ведами. Провожали солнце ясное у дымящихся костров, что катилось вместе с реченькой, Свирью — щедрою кормилицей, в край озёрный да таинственный, за холмы берегов лесистые да болотных далей марево, там, где волны нагуляются, будто звёзды в небесах. Блин небесный провожая, кладезь света и тепла, знали люди, что вернуться, нагулявшись в заозерьях, отгоняя мглу ночную, на верхушках старых елей блики доброго светила — словно след медвежьих лап.

За закатом не стремились по течению реки, был им важен путь на север, тот, что выбрали олени, когда сок земли проснётся, наполняя силой жизни древо, травы, мхи, кусты. Там у моря-океана, у суровых волн и скал есть для важенки оленьей, будто песня мамы нежной, та, что сердце манит эхом, малой родины страна. Как лосось к камням стремится своей маленькой реки, от морей и океана всем преградам вопреки, как летят упорно птицы в царство покорённой тьмы, чтоб в любви детишек ладить, так и предки век за веком шли с оленями на север от приветливой Свири.

Знали точно, что вернуться к новой тьме и холодам, вот и кланялись с почтеньем близким сердцу берегам с клятвой рода, что кострами и богатыми дарами отдадут под песни бубна из оленьей прочной кожи то, что предки отдавали духам древним Межозерья да особенным

камням, что подобны лабиринтам для подземных предков душ. Никогда не воевали, чистоту в душе храня, ни к кому вражды не знали, помня, что вернётся к людям, будто утреннее солнце или вечерняя луна, всё, что сделаешь, пожелаешь, день или годы погода. Чтобы путь в снегах глубоких был полегче-побыстрее, они выдумали лыжи и собачью санок упряжь.

Длилось так тысячелетия, будто вечности река, но пришло другое племя, что искало своё счастье на несчастье безобидных, словно буря-ураган. Прогнало друзей оленьих, не желая гостем добрым быть лапландцам-лопарям. Говорят, исчезли сами, стали даже звать саами, но про новый путь саамов тайну знают только камни, предков их и духов древних молчаливый, неподвижный, много помнящий дозор. Вавилоны-лабиринты, пирамиды, валуны дремлют долго, ждут-ждутся, когда с Севера вернутся с плачем-грустью журавлиной те, что имена давали нашим рекам да озёрам, да Онеге, да Свири, чтоб прогнать вражду и зависть, злобу, жадность от людей, чтоб вернуть им счастье-радость, словно свет во мгле ночей.

СКАЗ О ЧУДИ-ВЕСИ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-дождутся в теремах резных, а сегодня полем синим от цветущих васильков, одуванчиков периной, колокольчиков игрой да лесных озёр зеркальем сказ про чудный древний род, что с небесными глазами, с детства лунными власами у лесов и рек живёт. Заглядится в даль лесную родниковою душой, помолчит-поразмывает с паутинкою вдвоём о корнях-делах народа, что зовётся чудь да весь, как хозяин всей природы, по-родному — ижанд, мезь.

По-людски да по-хозяйски жили прадеды его, совершив пути речные, детям сдав дела земные, выше елей на погосте замечали новый путь, чтобы там в небесной лодке хоть чуть-чуть передохнуть. Ведь у вепсского народа, как велось от стариков, потрудиться полагалось до зеркальных, как озёра, отшлифованных землёю ещё дедовских плугов, с топором или косою от зари и до зари да с оружием на поле, коли вороги нагрянут у родимой стороны.

И ходили, и бродили веси прежней ходоки от Алтайских гор высоких до Балтийской синевы. Рыбаки просили счастья у хозяина воды, серебро своё бросали, чтоб отдали им озёра полный короб чешуи вместе с щукой да лососем, с окунями да лещом, не ругались, хмель не пили, женщин в лодке сторонились, так несли удачу в дом.

С птицей, зверем осторожным чудь да весь была близка, знала, взять немного можно дичи в дедовских лесах, у которых свой хозяин среди сосен и осин, на болотах он вздыхает, а на лапах елей спит.

Дремлет сладостно, но слышит сотней чуткою ушей, сотней глаз и ночью видит, да с ветрами ощущает появление гостей. Оттого прапрадед мудрый внука-правнука учил брать в лесу лишь то, что нужно для себя и для родни.

Жили так от века к веку чуди-веси удалыцы, деревень дыханьем близким, дуновеньем ветра чистым, жен приглядом глаз лучистых

да весельем и задором светловласой и послушной, доброй в играх детворы. Долго-долго не тужили, славу предков берегли, но в суровую годину сохранить заветы старцев не сумели, не смогли. Ищут счастья их потомки от родных холмов вдали, забывают суетливо, что в деревне прежней, доброй, хвастовства, гордыни тёмной люди слышать не могли.

Лишь легенды, как былины, говорят про чудь да весь, будто ныне в подземельях жизнь былая ещё есть.

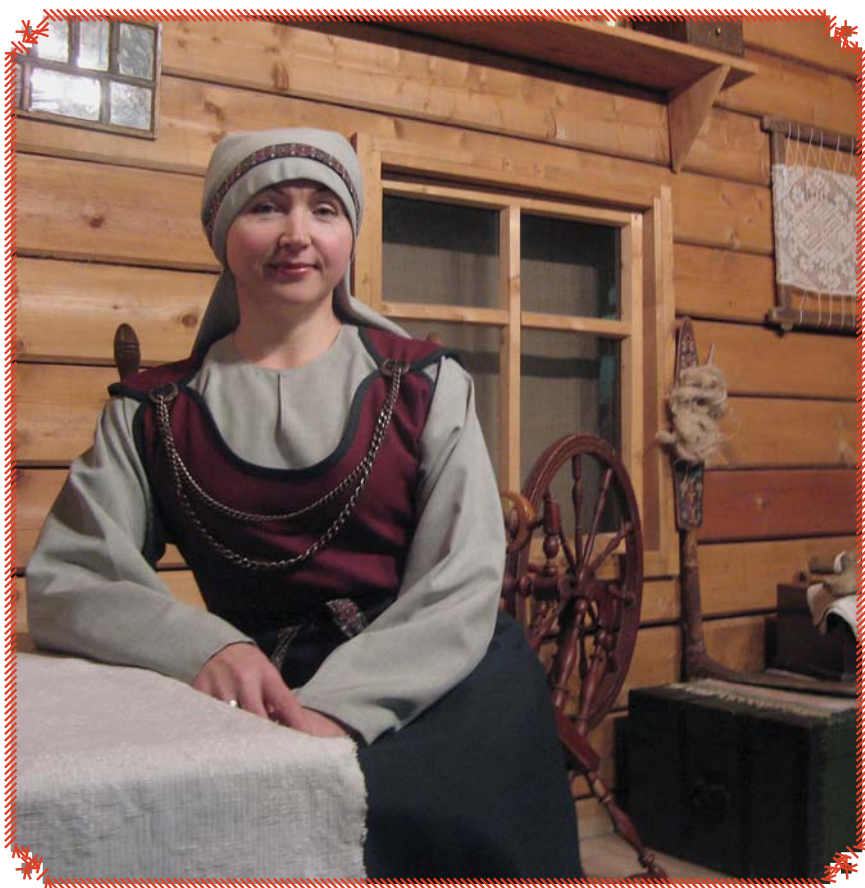
СКАЗ О КАРЕЛАХ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-дождутся в теремах резных, а сегодня сосен красками, что на солнышке все красные, да рябин осенних гроздьями, да костра ночного искрами под мерцающими звёздами сказ про корни рода-племени, что за Русь стояло кремнем, неприступною скалой.

Было это в давнем времени, когда песни-были с рунами люди ладили не струнами, а хвостами либо гривами быстроногих скакунов. Ветры их ласкали буйные в годы славные табунные в беге, красками украшенном, да на поле ратном-пашенном. У берегов Онеги-Ладоги предки жизнь свою наладили, шили сосенные лодьи крепью ельника корней, рыбу неводом таскали, но любили вслед за солнцем поискать иного счастья на спине своих коней.

Коль прислушаться у берега, что встречал свою лодью, сердцем любящего сына, раздаётся стук копыт, стрел летящих тонкий пошвиств, треск щитов и копий прочных, павших стон и девы плач, под землёю своей отчей предки наши не молчат, о былых походах славных нам поведать всё хотят. Русь они в веках хранили на скалистых рубежах, там и крепости рубили, чтоб врагов к родному дому никогда не допускать. Их тогда корелой звали, но когда вождя искали среди великих двух озёр, на путях торговых старых, старцы от иных народов, от иных родов-племён, то корелу не позвали, их удел — с мечом дозор.

Стерегли глаза их зорко берега, прощаясь с зорькой, кузнецы мечи ковали, боевые топоры, чтобы было, чем приметить да гостей незваных встретить в час напасти да беды для великой и прекрасной нашей Родины-Руси. И в походы уходили на лодьях да на конях, стены крепкие сносили во враждебных крепостях. Знахарей и старцев чтили, русых дев своих любили, как озёр любимых гладь, а детей когда

растили, им камней священных силу, тайну рукотворной Сампо постарались передать.

Жизнь реки бывает дольше, чем народа долгий век, счастья век ещё короче, а без отчего погоста, без земли родимой предков, горькой станет и калитка, зачерствеет раньше хлеб.

Хитростью-коварством-лестью, скрежетом ночных мечей отобрали у народа у родного дома песни посреди карельских скал, у камней священных древних, у озёр и родников, что плескались будто руны, отражая облака.

Стала странствовать корела, песни прежние храня, их мотивом-переливом наполняя, будто светом, приютившие края.

Между Ладогой-Онегой да у Волги, у Свири кров нашли её потомки и живут уже века. И несут речные волны, плеском прозвучавших слов, грусть ушедшего народа в те далёкие места, где слова дозором вечным камни древние хранят.

СКАЗ О РУСИЧАХ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-дождутся в теремах резных, а сегодня гуслей струнами, волн озёрных переливами, легендарными былинами да ковыль-травы поклонами сказ про славных в битвах русичах, про земли родной защитников.

Нашим краем синеоким, Беломорьем-Белозерьем, был народ, искавший счастья и в делах своих удачи, с давних пор заморожен, заселился в Межозерье с незапамятных времён.

И слагались были-песни у Онеги и Свири про походы, битвы, сечи да про лодьи-корабли, что ходили в Черном море аж до самого Царь-града, в Белом море добирались до суровой, вечно белой, будто каменной стены. Звон мечей им был отрадой, вёсел ровный плеск — усладой, а волхвов слова — советом, верной мудростью отцов.

С чудью-весью мирно жили и, как водится, роднились, обучаясь друг у друга ремеслу мастеровых, красоте кругов гончарных, вечно-сти солнцеворота да движенью колеса.

Был им Нестор летописцем, записавшим то, что слышал от бывалых стариков да от княжеской дружины, что хранила славу прежних ратоборцев и гребцов.

С белозерцами-купцами из родного Межозерья в стольный град монах дошёл, чтобы в свитках берестовых, на пергаменте из кожи записать про русов племя да про подвиги его.

В землях вешего Олега, во владениях волхвов было много поколений богатырских молодцов.

Как один они вставали, сблизив красные щиты, коль являлись из-за моря или из степей восточных в их родном краю враги.

Помнят славу их курганы, камни у большой реки, берегли былин распевы из народа ходоки, что бродили век из века, чтоб ту память сохранить.

И монах великий Нестор обучил учеников, летописным словом честным чтоб о подвигах писали, о деяньях славных предков и погибели врагов.

Русов-русичей дружины по курганам древним спят, но порою в небе нашем грозно копиями стучат, отгоняя молний светом нечисть от родной земли, а зимою снегом-пеплом укрывая от беды.

СКАЗ ПРО БОГАТСТВА СВИРИ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-ждутся в теремах резных. А сегодня плеском-роплеском, шёпотом волны и грохотом, рек-речушек переливами, меж подводных камней перекатами, у холмов-великанов разливами, от Онеги — сурового батюшки и до Ладоги — ласковой матушки сказ про наши богатства-сокровища, что ещё прапрапрадедов прадеды собирали с раздольной Свири.

На неё никогда не насмотришься, да и слышать её — не наслышаться. Перламутров речных переливы помнят многих заморских гостей, поднимавших из свирской водицы осетров, судаков, лососей. Славных прадеды видели рыбин, не хватало размаха их рук, чтоб от самых от жаберных дуг да хвоста дотянуться любому, хоть с косою саженью в плечах.

Были щедрыми свирские люди, от души угощали друзей, а князьям подавали на блюдах стерлядь, нежных сига и форель, привозили им целые бочки царской рыбки к роскошным пирам, чтоб не гневались властные очи и давали пожить рыбакам. Лодки их да над матушкой-Свирью были полными щук и лещей, знали раньше таких окуней, что мальчишке поднять не под силу, если каши с утра не поел.

А плотва широка, что лопата, пять-шесть штук, а тянуло на пуд и налимов такая ватага, что могли лодку в раз развернуть. Про больших ершей ещё помнят старожилы раздольной Свири, и про разную свирскую рыбу от великой до малой, как лист, сорок видов её называли, не забыв про красавца-угря, что из дальних морей-океанов приплывал, поднимаясь всё выше, где у грозной в ненастье Онеги начинались Свири берега.

И казалось богатство бездонным, будто мельница Сампо, таким, что не вычерпать и неводами, сколько их на реке не тяни. Накормить им могли бы Россию от холодных до жарких границ, так кумекали

мудрые деды, на сокровища глядя Свири. Воли-удали всё ж не спускали и богатство своё стерегли, про потомков, как водится, помня, вёсла долго сушили, давая рыбе-матери плод донести по весне и по осени хмурой, когда шли лососи и сиги своей долгой и трудной дорогой, чтоб икринки свои отложить. Не звучало малиновых звонов колокольной присвирской красы в эти важные рыбьих родов золотые потомства дни.

Деды прадедов завещали любоваться раздольем Свири, веря, будет неисчерпаемым царство рыбное нашей реки. Но в пути её перекаатном, в веке суетном и больном, люди выстроили преграды, люди вдруг позабыли про святость и сокровища свирской воды. А ещё от Онежского батюшки до Лодейного славного полюшка травят Свирь нашу стоками-ядами, будто нету души у реки. Только если прислушаться к шёпоту, к плеску тихому милой Свири, то послышится болью и стоном: «Раньше не было алчных и жадных, злых и глупых людей-чужаков, душу свирскую не понимающих, речку-реченьку в горе загнавших, ради страсти, наживы, удобств...»

СКАЗ О СОКРОВИЩАХ ОЯТИ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-дождутся в теремах резных, а сегодня вод журчанием, меж седых камней стремниною, тихими речными гуслиями да раскатом в перекатах, в час весенний треском льдин сказ про то, что есть в Ояти, но лежит бесценным кладом в царстве рыб на дне песчаном сотни долгих лет и зим.

С незапамятной години да с таинственных времён на борах леса рубили, когда сосен золочёных край снегов зимой глубоких погружался в зимний сон.

А с весенними ручьями лошадьми к реке спускали брёвен толстых загляденье, чтоб могли своё творенье мастера с душой рубить.

Но однажды не спросили лесорубы дозволения у хозяина тайги, без привычного поклона, уважительного тона, порешив, что спит хозяин, пояса, кафтаны скинув, с дерзкой удалью-задором, принялись весь лес валить.

Осерчал лесной кудесник от невиданной возни, повелел корням сосновым, да берёзовым, еловым и осины не забыв, от земли родимой бора из своих последних сил взять корнями, как руками, как ладонями младенца, соль её, слезы прощальной горечь, тяжесть, бремя, груз.

Топоры все затупили да багры пообломили, отрывая лес могучий от родимой стороны, но упрямыц одолели и в Оять его спустили, чтоб отправить к древоделам по извиистой реке.

А она, что мать родная, стала брёвна обмывать и, заламывая волны, словно руки в час утраты, утянула-утащила лес могучий, золочёный, от сосны и ели статной до податливой осины в царство донного песка.

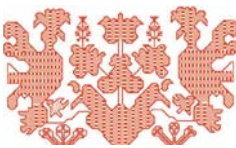
Не дождалась древоделы новых брёвен на венцы, и остались лесорубы, что рубили без поклона, без почтенья-сожаленья лес могучий у реки, с ненаполненной сумою для себя и для семьи.

И лежит тот лес могучий уже несколько веков, золочёный да морёный, будто камень благородный, стал ценнее он и твёрже прежних сосен и дубов.

Под неспешными волнами, среди хвостов и плавников, там, где жемчуг добывали, царской рыбы целый воз, ждёт сокровище Ояти настоящих мастеров.

Цену сразу не познаешь рук и дела своего, но мудрее стать желая, не спеши рубить и резать, поразмысли и подумай, а потом твори добро.

СКАЗ О ТАЙНАХ ИМЁН

Сорок сказов, сорок присказок ждут-ждутся в теремах резных, а сегодня сердца трепетом, зовом предков несказанным, самых близких слов звучанием, будто печки теплотой, сказ про имена-названья рек, озёр, холмов-горушек, деревушек да ручьёв.

Дедов наших прапрадеды знали много разных троп, по лесам порой петляющих вдоль родимых берегов.

По пути привычно кланялись старым соснам, родникам да болотному раздолью, деткам солнышка — морошке, клюкве кислой да бруснике и заманчивым грибам.

Не боялись заблудиться, заплутать среди боров, ведь названия лесные, как родных да близких лица, подсобляли заприметить очертания всех троп.

Если остров звать Барсучьим, там укрылись барсуки, если Заячья горушка — зайцев встретишь по пути, у Утинового залива может слышаться «кря-кря», у трясины Журавлиной птиц высоких видеть можно иль пролёты журавля.

На Осиновой вершине роща дружная осин, если берег звать Еловым, елей тёмный ряд увидишь, а в сухом бору Сосновом среди сосенной услады ширь раскидистой сосны.

В Щучьем озере поймает, как и прадед, короб щук, в Окунёвом натягаешь жилкой верной окуня, а в Плотвичном иль Лещёвом — белой рыбицы сполна.

На реке пороги знали Сиговец иль Медведец да других десятки прежних и опасных свирских мест, что своими именами речников предупреждали, что здесь ждать или окрест.

Но ушло былое время, унесло и предков зов, и теперь былое имя стало тайной для народа, утерявшего когда-то понимание и ясность в глубине родных лесов.

Что скрывает имя Погра у Свири — родной реки, Кара, Гакручей, Мандера, или имя рек-притоков Янеги да Важинки?

А таких названий много накопилось-набралось, между Ладогой-Онегой, где живущим ныне людям не услышать сердцем тихий, но такой неясный ныне предков славных вечный зов.

СКАЗ О РОДНОЙ СТОРОНЕ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-дождутся в теремах резных, а сегодня речью важною, что как соль земли родимая, будто первая из реченок у плакучих ив с берёзками, с янтарём смолы сосновым, да с словыми иголками, да у той травы-муравушки, что дорожкой зелёною с малолетства мягко стелется, сказ про Родину любимую, колыбель души и памяти, про родимую сторонuşку, кров и род отца да матери, зов глубин родной земли.

Пусть зовётся она малою для бескрайнего Отечества, старцы мудрые и в малости, в капле утренней росы, разглядят, душой почувствуют то большое и великое, как раздолье синей Ладоги, будто ширь Онего-батюшки и приволье-разгуляние нашей ласковой Свири. Паутинкой серебристою, берестою белоснежною, переливом ручейков, птах лесных свиреле-трелями, скрипом на ветрах вершин с нами Родина беседует тем же языком речистым, полевым, речным, лесистым, что вещала нашим прадедам о судьбе и о любви.

И они, лелея землю, сберегая кров и род, кланялись травинкам в пояс и глядели по заветам в даль, где солнце вновь рождалось, перед новыми трудами, плуг готовя иль литовку, чтоб потом идти по полю, политому потом-кровью своих дедов-праотцов. Было так от века к веку, род пахал, ложился род, укрепляя свою пашню, свой родимый отчий берег, тот, что избран был народом светловласым, небоглазым в легендарную годину свиста стрел, мечей ударов, трескотни щитов и копий, перестуков топоров.

Дремлют воины в курганах, в жальниках уснули предки, породнившись с их землёю многие уже в покое, продолжая род ушедших, да про нас, живущих после, никогда не забывая, нам незримо силой духа, памятью своею светлой в деле добром помогая. Над родимой стороною в небе синева их глаз, будто крыльев белоснежных,

величавых, чудных, нежных, светлой дымкой над полями подгоняемые ветром, они в даль свою стремятся, словно странники небес. Чистоту их и надежды белизной хранят фиалки, желтизной печаль лелея, синевой — свой в вечность путь. Их в России нашей синей от озёр и рек с ручьями издавна все почитали и, любуясь их трёхцветьем у тропинок и дорог, в честь Анюты называли, глазками её считали, чистой, верной, милой, нежной, верящей душой в любовь.

На полях немало глазок, милых трепетных фиалок, каждой можно поклониться, чтоб услышать их рассказ. Среди звёзд найду такую, что их будет отраженьем, в облаках её узнаю, что ведёт всех за собой. С Родиной-фиалкой с детства ощущаем в сердце силу, с этой силой родниковой, песенной и поднебесной, не жалея сил душевных, можем всех высот достичь, одолеть невзгоды-беды и, как верная Анюта, к колыбельному порогу чистую любовь хранить.

И ромашковое поле, будто солнышек улыбки в белоснежных лепестках, как родимые берёзки, будто облаков ладошки, словно светлый лик невесты, с белой ночи до осенней, как копну травы пахучей

вилами разворошив, нам напомним, растревожив, душу вдруг разбередив, о красе родной земли. Присмотреться-приглядеться, так увидишь в разноцветье васильковую Россию с нежной памятью венков, что поющие девицы с верою плели на поле, сердце милого прося колокольчиков молчанье взбудоражить струнным звуком или песенкой пастушьей берестового рожка.

В тихой заводии озёрной дремлет неба отраженье, в ангелах-цветах небесных тоже — Родины душа. Тянутся её ладошки облачными руками, если в синеву всмотреться над родимую рекою, на политом кровью предков колокольчиковом поле, над которым проплывают души-облака родные, все они с любовью смотрят близким на земле в глаза, надо только присмотреться, в небо светлое взглядеться, а ночной порою — в звёзды, видя, слыша, ощущая зов родного очага.

СКАЗ О ЦЕЛИТЕЛЬНЫХ ТРАВАХ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-дождутся в теремах резных, а сегодня поля шелестом, лепестков пахучих благостью, терпких трав зелёных радостью, луговых цветов нектарами да пахучими уладами сказ про маленьких целителей, и людей, и птиц спасителей, от недугов избавителей.

Долго можно было сказывать о полянах чудодейственных, что лечили наших пращуров, коли гостьей к ним непрошенной заявлялась рана-боль. Были старцы наши прежние с широченной бородой, волосинок в бородище той, что цветов-травинок в полюшке, запросто не сосчитать. И легенд-историй давнишних про секреты старых знахарей, что волос у деда мудрого, за день не пересказать.

Силу копят травы Севера от весеннего тепла, от земли родимой, ласковой да от света в небесах. Век их летний шибко короток, хоть и ноченька светла, вот и трудятся-стараются, чтоб с надеждою-припасами встретить вскоре холода, чтоб нектар цветов целительный и пчела собрать смогла. Знали это наши прадеды, ведь без мёда расчудесного, без надёжных трав целительных трудно одолеть врага.

Слыхивать прежде доводилось про Илью-богатыря, что подняться умудрился, отлежав свои бока тридцать три суровых года на печи у Муромца. Супостаты навалились на родные берега, услышав, что нету больше на Руси богатырей, но не тут-то злым было, пробудил-поднял Ильюшу славный корень-девясил. Девять сил ему прибавил, от недугов излечил и Отечество избавил от нашествия вражин.

А когда пора настанет в путь-дорогу собираться, наши прадеды к горбушке, к горсти родненькой земли и к полезному припасу добавляли зверобой, что когда-то называли и Ивановой травой. Берегла та кровь Ивана, превратившись в лепестки, от разбойных супостатов

да от лютого зверья, от недугов и напастей, будто мамы милой ласка да надёжная защита тяти-батюшки-отца.

Успокаивала мята, вдохновение будя своим нежным ароматом, боль смягчала, словно мать, для застольного веселья хмель народу помогал, сил в ненастье придавала и страданья прогоняла Богородицы трава. Корешки, цветы и листья от трёхсот различных трав предкам нашим подсобляли все невзгоды побеждать.

СКАЗ О ВЕНЦАХ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-ждутся в теремах резных. А сегодня хвойной песнею у раскидистой сосны, янтарём душистым терпким вытекающей смолы, стуком дятла-лесовода, кукованием вдали сказ пойдёт об очень важном, про особые венцы.

Заглянув, когда спит солнце на другом краю Земли, в даль небесного колодца, чтобы звёзды попасть, как пасли седые старцы много зим и лет назад, это вечное пространство, этот вечный путь в мечтах, призадуматься охота о прапрадедов делах.

С топором они рождались, как с мечом богатыри, с ним в свой век не расставались, как младенца берегли. И рубили, и тесали, под аршин, а не на глаз, из венцов такое диво, что красой своей резною удивляет-восхищает век из века многих нас.

Чтоб понять то диво-чудо нашей северной земли, мастерство народных зодчих, долговечность их красы, надо знать секреты предков, что из рода древоделов, знавших плотническое дело, своих дедов ремесло.

С топором зимой ходили, когда сосны-ели спят. У верховьев рек с ручьями, на борах да на холмах век проживших находили, да чтоб был у древа ровный чистый ствол в один обхват, чтоб не меньше, чем в три роста здоровенных мужика, была тёмною от корня у сосны такой кора.

Вот тогда с поклоном-просьбой обращался дроворуб к лесу милому кормильцу, чтоб простил ему поруб.

После тёсаной зарубки нужен звон от топора, коли обухом ударит он по сосенному телу там, где срезана кора. Если тихим будет эхо, будто пастуха шаги, не создать венец из древа, сколько древо ни суши. Если ж звоном отзовется лес от отзвука сосны, это дерево сгодится на великие труды.

Застучит топор степенно да у самой у земли, чтоб легло-упало древо на краю ручья-реки. Заскрипит, вздохнёт протяжно, соснам-сёстрам шля поклон, вздрогнет, прежде чем об землю с треском вда-риться стволом.

Закачают с плачем сёстры свой раскидистый наряд, будет сорок дней законных неотёсаным, с корою, древо тихо возлежать. Отпустив лесную душу кров искать среди вершин, с талым снегом бурной реч-кой поплывёт бревно с другими к мастерам древесных дел.

Год подсушится на солнце, вот тогда и под венец топором провор-ным звонким плотник срежет, будто зодчий, каждый выступ на брев-не, подогнав его к другому, словно кантеле мотивы песнопевец на крыльце.

СКАЗ О РОДНОМ ДОМЕ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-дождутся в теремах резных. А сегодня сосен пением золотистых на бору, елей тёмных в рощах лапами, да осин тревожных трепетом, да берёзовую ласкою сказ про то, как наши прадеды дом для деток-внуков ставили, чтобы с ними разлюбезными долгий век в нём пережить.

Все мы с детства очарованы красотой родной земли, только и на милой родине угол свой, когда захочется, без уменья не найти. Коль на небе ясно солнышко, милы все вокруг черты, все покосы да излучины, за околицей холмы. А коль тучами закроется неба радостная синь, даже берег, прежде ласковый, неуютным и безрадостным нам покажется в тени. Так и ночью долгой тёмною не спасает свет луны, искры звёзд и пламя факела да горящие костры.

Много в жизни повидавшие, говорили старики, что для жития домашнего мысли чистые нужны. Помощь пращуров желанна на своей родной земле, коли нужно выбрать место под домашние венцы. Вот и надобно под вечер, поглядев на все холмы, выбрать сердцем тот, что ближе не глазам, а лишь душе. Там скосить свою полянку и в объятиях копы крепко спать в пахучем сене, а под утро всё ж припомнить, что привидится в ночи.

Коль коней горячих скачки, их большие табуны, будет жизнь в том месте резвой, не пройдёт без суеты, без погони за богатством, без скандалов у печи. Коли зверь лесной приснится, либо заяц, либо лось, либо рыжая лисица, либо серый хищник — волк, будет в доме беспокойство без уюта и тепла и желание покинуть его стены навсегда.

Так случится и с медведем, хоть хозяин он тайги, добрых надо ждать соседей, приносящих счастье людям и сокровище любви. Коли явится корова либо маленький бычок, аль петух громкоголосый, али

светлый верный пёс, белый кот и козье стадо, лучшего искать не надо, здесь и можно ставить дом.

Жить прожить умело надо, ведь не поле перейти, славу добрую от дедов преумножить в доме том, а как ставить, звать соседей не на званный шумный пир, а с венцами потрудиться, подгоняя, как один. Так и будет в доме новом счастье зимы зимовать, дружно и весну встречать, летом людям помогать, чтобы в осень золотую можно было пировать.

СКАЗ О ЛЕСНОМ ХЛЕБЕ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-ждутся в теремах резных. А сейчас горнила жаром, светом гаснущих углей да дымком трубы печной, хлебным духом ароматным, чёрным противнем с добром сказ про самый необычный, про душистый и смолистый, наших предков каравай.

Не найдёшь такого нынче, хоть полсвета обойди, в нём земная скрыта сила, нежность молодой сосны.

Деда наши с хлебом чудным собирали соль земли, поле трудное пахали и с прокосом шли широким от зари и до зари.

Тайну древнюю открыли им седые старики, что от прадедов узнали, как, порог родной оставив, с плугом по полю пошли.

Как весной согреет солнце из околиц дружный ряд, заиграв лучом в оконце, отгоняя снегопад, так и надо торопиться, да с котомкою большой, либо с коробом ведёрным, аль с корзиной да мешком к лесу-батюшке стремиться, там бродить-ходить-искать то, что может пригодиться, если силушки-здоровья будет в деле не хватать.

Перед сбором поклониться, с просьбой доброй обратиться, чтоб позволил лес-кормилец сил его немного взять. Важно тут не торопиться, осмотреться да подумать, перед лесом повиниться, выбирая ту из сосен, чьё подкорье-оболонье можно срезать и забрать.

Суеты топор не любит, если он в руках умелых олонецких мужиков, а они деревья рубят так, чтоб внуков лес берёт.

Вот и гоже со сноровкой да с раздумьем собирать оболонь-подкорье сосен, леса силу-благодать.

Вкус коры нежнейшей важен, так учили старики, вот и пробовать бы надо то, что будет из печи.

Как сума-котомка станет той душистой оболонью, нежным сосеным подкорьем до краёв полным-полна, ей черёд на солнце греться

у околицы родной, а потом в печи томиться, чтоб дымком обогатиться, а уж после в ступе медной стать мельчайшею мукой.

Тут хозяйские ладони со старанием и любовью будут сеять и лелеять силу леса решетом, чтобы дать ей надышаться и быть легкой, как перо. Пополам с мукой из зёрен ржи, пшеницы аль овса, да с закваской, что из хмеля, да с водой из родника будет мяться-получаться тесто хлебное с утра.

Час придёт, на угли ляжет тот сосновый каравай, чтобы с пылу, с печки жару лечь с манящим ароматом на широкий общий стол. С тёмной корочкой хрустящей, с легким привкусом хвои хлеб лесной целебным станет, коли выпечен с душой.

А уж если супостаты захотят прознать секрет, чтобы силой звонких сосен тоже ловко завладеть, а потом и краем нашим, шибко щедрым на дары, наши прадеды велели тайну предков сохранить.

Без разбора брать подкорье для непрошенных гостей, сыпать сена да соломы, мха да старой лебеды, и такое горе-тесто без любви творить-месить, чтоб такого горе-хлеба расхотелось им погрызть.

СКАЗ О КЛАДАХ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-ждутся в теремах резных, а сегодня яркой радугой, коромыслом для дождя, расцветающим папоротником, криком старого дрозда, кукованием кукушки да росинками в цветах сказ пойдёт о кладах знатных, что закопаны в лесах.

С давних пор да с незапамятных на высоких берегах, а порой и в ямах тёмных да в глубоких омутах скрыты-спрятаны сокровища у заветных троп невидимых в зарастающих, дремучих зачарованных краях.

Золочёные кареты, даже россыпью монеты, дань пропавшая татар, да с награбленным телеги, в годы смуты и вражды.

Понапрасну не родится эта давняя молва, будто дым на сенокосе от привычного костра не взовьётся в небе синем без горящего огня.

Люди многое видали, да не всякому сказали, что за чудо притаилось всё из золота-серебра там, где странник аль разбойник, аль неведомый купец в лунном или звёздном свете при мерцании огня землю нашу разрывали, в ней богатство укрывали, чтоб, когда минует лихо, отыскать-отрыть с волненьем котелок, горшок, ларец.

Да не тут-то стало-было, не видать рукам хозяйским по велению судьбы ни монет своих звенящих, ни сверкающих камней.

Тот, кто раньше срока сгинул, клад оставил не потомкам, не товарищам своим, а счастливицам грядущим, от земли находок ждущим, что искать-копать готовы и бродить по белу свету долго в поисках мечты.

Много жаждущих сокровищ ходят-бродят по лесам, старцев мудрых привечают, чтоб в бесёдах-разговорах тайны прежние узнать, как следы-ключи от кладов в чаще, в омуте сыскать, где найти былые печки, костровища да холмы, что утратили приметность, но хранят с времён далёких все загадки старины.

И подскажет старец мудрый, в небо синее смотря: «Не ищите только клады возле кладбищ да могил, по дедов моих укладу, грех покой людей умёрших потревожить-ворошить, на беду с земли ушедших даже бусинку-монетку в дом живущих приносить.

Клад вам молния укажет, коль ударит до земли, али радуги начало, аль цветков на ночь Купалы, что сверкнёт углём вдали».

Услыхав слова такие, что по свету разнеслись, добры молодцы над Свирью, над Оятью разливной ждут грозы порою летней, пламя молний стерегут и бегут за ними следом — вдруг укажут верный путь,

да за радугой стремятся, за великою дугой, но за светом не угнаться, что родится в час грозы.

У костров ночных Купалы добры молодцы кружат, смотрят в даль холмов прибрежных, чтоб заметить-заприметить и успеть цветок сорвать, что поможет клад увидеть и замки-засовы разом научиться открывать.

Долго ль, коротко всё рыщут след сокровищ да богатств, да, как водится, не сыщут в жизни самый главный клад, тот, что в сердце отзовётся эхом счастья и любви, если только оглянуться на красу родной земли.

СКАЗ О ВЕДУНАХ–КОЛДУНАХ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-дождутся в теремах резных, а сегодня тихим шорохом, скрипом старых половиц да за печкою шуршаньем, ветра долгим завываньем сказ о силе неизвестной колдунов да ведунов.

В деревнях бывало прежде уважение к крестам, на часовне да на церкви, да у батюшки в руках.

Люди батюшек ценили, лоб, как следует, крестили, на погосты, на моления всей семьёй в день праздный шли, только ведали, что силой, неподвластной царской власти и начальников приказа, обладают колдуны.

С отворотом, приворотом да с напастью иль недугом, с тайной просьбой-пожеланьем мимо церкви к тёмным избам думу трудную несли.

К колдуну али колдунье, к ведуну, к знахарке старой на окраине деревни люди боязливо шли, коль скотина пропадала, молоко не так давала, коли близкие страдали от болезней да страстей, много знал и много слышал деревенский чародей.

Он на свадьбе гость почётный, да в домах больных детей, но нельзя ему спасибо говорить за избавленье от недугов да беды, ведь не Бог ему помощник, за чудесное спасенье он других благодарит.

Берегут свои заветы колдуны да ведуны, чтобы силу слов особых не утратить с ветром сплетен, не рассыпать, будто зёрна, повтореньем-заклинаньем от людей непосвящённых, к волхованию чужих.

Но порой услышать можно в поле странные слова или в бане, что по-чёрному топят люди в деревнях:

— Стану я, благословясь, да пойду, перекрестясь. Из дверей в иные двери. Из своих ворот в чужие. Перейду тропинкой поле. Лес, трясину обойду. Поплыву я в белом море. К камню белому плыву. Там

найду большую щуку, что толста да широка, пусть напасти все проглотит, пусть уйдёт от нас беда. Поклонюсь чудесной рыбе, коль избавит от беды. Золотым ключом открою избавления замки, чтобы любо жили-были, о напастях не тужили, мягко спали, ели-пили все друзья и все родные.

Если верить, то помогут нам любые чудеса, предки верили в подмогу сил небесных и подземных, в духов предков и хозяев, что у каждого порога, хоть лесного, хоть речного, ждут гостей и провожают, замечая слов узоры на беседах-разговорах, да работу и дела.

СКАЗ ПРО ГРИБНОГО ЦАРЯ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-дождутся в теремах резных. А сегодня птицей вольною над Лодейным да над Полюшком сказ про доброго царя.

Широки его владения, от студёного от морюшка аж до самого до тёплого, от атлантов океянища до тигриных берегов.

За морями заграничными, за бескрайними просторами простирается земля его, да под нею-то под матушкой кладовые у царя.

Правит он народом издавна. Сам-то статен, будто сосенка и могуч, как старьй дуб лесной.

Царь лицом белее облака и светлее многих подданных. Вот за ту за белизну его, что хранится словно золото, и прозвали все правителя просто в мудрости людской.

Он, конечно, без сомнения, многих добрых слов заслуживал, но прижилось испокон веков от народного почтения и от главного достоинства его звание почётное, его имечко любимое и для каждого желанное, наш красавец Белый Гриб.

Под Лодейным да под Полюшком, во бору да во высоконьком, там, где сосны корабельные вечно кронами зелёными распускают паруса, укрывается от глаз людских трон роскошьнй да загадочный в царстве Белого царя.

И не счесть народу мудрому со своей мудрёной техникой всех царя грибного подданных. Насчитали больше тысячи с разноцветными да с шляпами во Лодейном да во Полюшке и больших и очень маленьких, несъедобных со съедобными всех почти грибных племён.

А в иных краях неведанных, за морями-океянами да у моря у студёного, сколько их ещё живёт? Только Белый царь и ведаёт в своём царстве, нам невидимом. Есть молва-предположение средь людей, чего-то знающих и о многом рассуждающих, что всю зиму нашу зи-

мушку, от холодной шибко осени, да с весною-раскрасавицей захватив и лета месяцы, безмятежно спит тот царь.

Потому и тело белое, словно облако небесное, не натружено заботами да трудами и невзгодами. А чтоб не было ворчания, Белый Гриб своей короною, своим главным украшением выбрал очень тёмный цвет.

Без пурпура и без золота, без жемчужин с бриллиантами, цвет земли родной — кормилицы, звонкой боровой сосны.

Он не спит с холодной осени до дождливых летних месяцев, а всё думы крепко думает, чтобы по уму и разуму во владениях управиться, чтобы всех, сердитых с добрыми, сердцем щедрых и скупых душой, когда надо, накормить. Ведь не зря все люди кланяться, чтоб корзины были полными, его подданным должны...

СКАЗ О СВИРСКИХ КОРАБЕЛАХ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-дождутся в теремах резных, а сегодня сосен песнями, ставших парусными мачтами, плеском волн морских над глубями, ледяных полей сверканием да дыханьем жарких тропиков сказ про дело корабельное, да про полюшко лодейное, что над Свирью величавою больше трёх веков красуется.

Льются воды к морю свирские через Ладогу с Невой, стародавним предкам близкие своей мягкостью, игрой, с незапамятных и древних, неизведанных времён.

Вслед за струями речными да за солнышком-огнём люди издавна стремились, из бревна сосны смолистой вырубая лодку-чёлн.

Утекала век за веком к морю милая река и манила плеском синим, за собою в даль звала. В край безбрежный, поднебесный, где волна гуляет вольно и стеною высоченной может от попутных ветров к берегам родным стремиться, чтобы у камней знакомых поплескаться-пошептать, да попутно бессердечно все преграды разметать.

От её тоски-разгула с завыванием штормов много лодок утонуло, не добравшись во спасенье до высоких берегов.

Было время предкам давним своё горе горевать, были думы и о важном, как напасти избежать.

Звонкие искали сосны, чтоб из них корнями елей, что оплакивали предков, кораблей борта сшивать.

А потом смолой густою спину лодки-лоды стройной, поворотливой и крепкой на любой волне-беде, хорошенько да с душою, конопатя борт с кормою, и от носа, будто лебедь, чтоб над морем возвышался, ничего не упуская, густо-нагусто смолили.

От такого ладу-дела вся округа песни пела так, что зависть чёрным змеем, грозовой и тёмной тучей, застилала неба просинь на заморских берегах.

Лоды-лебеди летели над озёрною волной и по морю, как по небу, не боясь стихии ветров, а на них с драконов-лодок тёмные глаза глядели, чтоб отнять у древоделов-корабельных мастеров тайну знатных свирских лодий, все секреты наших предков, чтоб драккаров понастроить, и на них с отвагой прежней захватить народы-племя у далёких берегов.

Те, кто с топором родились, у природы обучились, знать, как дерево поёт и строгать-рубить с любовью, чтоб доской-венцом прилежным в нужный паз оно легло.

И врагов рубить умели, коль придётся постоять за родимую сторону да за Свирь-реку и мать.

Тайну предки сохранили, но царю её открыли, как настало время строить государю корабли.

Лоды, кочи да карбасы в дар ему преподнесли, рассказав, гордясь за дедов, как их предки бороздили океаны да моря, управляясь с парусами и в суровые шторма.

Царь тот был из горделивых, ведь и в помыслах велик, заграничных корабелов слушать с радостью привык.

Повелел галеры строить, чтобы вёсельным движеньем их, где надо, разгонять.

А в поход под парусами строил в поле у Свири боты, шнявы, галиоты да роскошные фрегаты с цепью ровной грозных пушек да с запасом ядер твёрдых для морской своих побед.

Мастеров да подмастерьев-необычных иноземцев было много в те года, только им без олонецких, знатных в деле корабельном, мужиков с аршином прежним не управиться никак.

Так и строили, и жили, флот верша для всей России, чтобы в полюшке лодейном в Свирь спускались корабли и в морях к победам славным, к путешествиям желанным да с попутными ветрами с песней сосенною шли.

Открывали Антарктиду, обошли вокруг Земли, чтоб в родном Лодейном Поле мы, потомки корабелов, мастерством и славой предков восхищались с чистым сердцем, гордость их хранить могли.

СКАЗ ПРО БУРЛАКОВ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-дождутся в теремах резных, а сегодня стоном-песнею, натяженьем бечевы да каната-троса тяжестью на натруженном плече, ног босых по волнам шлёпаньем, по тропинкам дружным топотом сказ про свирских бурлаков.

Груз тянули люди издавна по большой речной воде, от раздолья-устья свирского до истока вдалеке.

Там, где вёслами не выгрести, не пройти на парусах, конной тягой не продвинуться, бурлаки ватагой крепкою поднимали вверх суда.

То в лаптях, а то и босыми проходили бечевник, натяжение артельное подсоблял им сделать крик.

И когда канат впивался в кожу рук, спины, груди, до мозолей натирая, пели дружно бурлаки.

— Э-э-эй, у-ухне-ем, ещё-ё у-ухне-ем, — раздавалось век за веком вдоль по матушке Свири, долгим эхом отзываясь, будто ритмы отбивая, натяженьем управляя:

— Са-а-ма по-о-йдёт, са-а-ма по-о-йдёт...

А порой, противясь воле, запрямятся суда, и звучало на просторе:

— Не-е и-дё-ёт, ой, не-е и-дё-ёт...

И суда под эти песни, тяжеленные, как камни, и похожие на стон, вместе с свирскою водицей, грустью полные качались, помогали подниматься бурлакам через пороги, струи быстрые реки.

Им ответной своей песней над просторами Свири помогали бабы в поле, коль пахали с мужиками, слыша зов родной земли.

Отзывались песней звонкой под размеренность косы, когда рожь на поле жали, когда лес могли корить.

Каждый мыс и каждый камень знали прежде бурлаки, их артели не редели, песни предков дружно пели до того, как пароходы появились на Свири.

Много лет не слышно песен ходоков да бурлаков, лишь несёт речная просинь вдоль камней речных и мелей отголоски прежних вздохов и несбыточной мечты:

— Купим женам сапоги, са-по-ги...

Справим детям армяки, ар-мя-ки...

Маме с папою обнову, об-но-ву...

Приведём домой корову, ко-ро-ву...

Но над Свирью в переплеске, коль прислушаться суметь, можно выслушать их долгий и протяжный «ух» да «эх».

СКАЗ ПРО СВИРСКИЕ ПЛАЧИ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-ждутся в теремах резных, а сегодня песней долгою, словно Свирь-река протяжною, как Оять-река извиистой, как Паша-река широкою, будто Важинка по камешкам да с ручьями и притоками, сказ про душу наших бабушек, сказ про плакальщиц на проводы.

Слышно плачи эти долгие, по родным слова протяжные над водою и над берегом, что был близким дедам-прадедам да над холмиком земли той, что с ладоней в яму сыпалась средь других таких же холмиков, с давних пор из века в век.

Причитают люди мудрые, чтобы горюшко повыплескать, поубавить боль сердешную, отпустить тоску безбрежную в голубые небеса, там, где белым светлым облаком или птицей легкой милою после смертушки-кончины продолжает путь душа.

Сиротинушкам и вдовушкам, братьям-сёстрам да племянникам, а порой и маме с папою, всем друзьям и всей родне, да соседям и соседушкам, да небесным покровителям посылались с плачем-стонами причитания слова:

— Что ж ты, сокол сизокрылый, сердцу близкий голубок, нас и Свирь свою покинул, горе в дом родных принёс?

— Как же, милая лебёдушка, ты уснула навсегда, на Ояти нагуляться не успела, не смогла? Ты, родная, для сироток ведь кормилицей была...

— Разве мы не привечали добрым словом и любя? Все заботились, ласкали, ждали с поля до поздна...

— Ты пошто, соколик милый, отлетел к корням дерев, что заплачут да застонут над твоим последним домом, над сосновыми досками, заглушая крики чаяк да дурного воронья?

От пронзительных стенаний и старинных причитаний Свирь темнела, плач неся, да раскалывались камни, сиротинок боль приняв,

солнышко скрывалось в тучах, плакал даже лес дремучий, коли бабушка такая горе выплакать чужое с материнскою любовью, будто самое родное, для пришедших на прощанье с состраданием могла.

Были люди, были плачи, но теперь уж всё иначе, лишь Оять со Свирью плачут да притоки-ручейки, чтобы камни сострадали, ели с соснами склонялись, провожая в путь небесный тех, кто здесь когда-то жил.

А они с небес помогут тем, кто путь ведёт земной, если помнят с добротой и с душевною мольбою об ушедших в мир иной.

СКАЗ ПРО МАНДРОГИ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-дождутся в теремах резных, а сегодня чудной росписью, старины красой-узорочьем, жемчугами, полотенцами да причудливою вышивкой сказ про Мандроги чудесные, где преданья возрождаются нашей северной земли.

Их назвали перво-наперво у порогов на Свири местом, будто материнским, с лаской тихой и заботой нежной матери-реки.

Здесь, в просвете сосняковом, неба просинью любуясь, чтобы лапти, вёсла, сети солнцепёком просушить, отдыхали от порогов рыбаки да бурлаки. Лоцманы с учениками — будущими речниками, ждали новых барок, лодок и большие корабли.

Были Мандроги пониже и повыше у Свири, а еще посередине, три деревни — три судьбы. Может, верхние виднее, ближе к небу поднялись, потому и возродились, чтоб народы подивились рукоделия причудам удальству мастеровых.

Много лет и много вёсен укатилось с тех времён, то темнела неба просинь, то сияла, как огонь.

Но исчезнув в лихолетье, птицей Феникс сквозь столетья, будто Китежа сиянье из-под времени реки, возродился дух деревни, с деревянную резьбою, слободой мастеровою да народною гульбою возле мандрогской земли.

Отголоски в ней Мандеры, материнский милый берег манит плеском неизменным у родной реки Свири, где великое виденье — Бога-Троицы явленье поразило Александра, основать его сподвигло знаменитый монастырь.

По булыжникам дороги слышен перестук копыт и колёс больших тележных с прежним веком переклик.

Ряд домов с резьбой балконов, ставни окон на показ, красота основ столетних — будто жизни прежней свирской, отражавшей Русский

Север, возрождёнными венцами и чудесными делами бессловесный пересказ.

В новом веке будто видишь легендарный Китеж-град, прежних образов виденья, струнных гуслей песнопенье и бесёд неторопливых у оконцев свирских лад.

Нагуляешься с окошка, так считали наши предки, возводя большие избы у разлиистой Свири, чтоб кормилицу лелеять добрым взглядом от печи, лён да рожь у берега сеять, храмы ставить и часовни, чтобы с верой и надеждой путь вершили речники.

Ведь слышали о потопе, но не ждали от реки наши прадеды и деды выше крыш родных волны. Но исчезли Остречины, Ивин, Муромли житьё, деревень былых Присвирья всё прибрежное добро.

Будто горькими слезами, омываются волнами деревенские поля, только облик жизни прежней, ставшей вдруг судьбой безбрежной, струнно-песенным волнением, рукоделий вдохновением, если в Мандрогах взглядеться, хорошенько присмотреться, прояснится в разноцветье, словно свет свечи в окошке, будто в тьме ночной дороги путеводная звезда.

СКАЗ ОБ ОЗЕРЕ ЛЕБЕДЯ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-ждутся в теремах резных, а сегодня белым облаком, красными под осень листьями, птиц, летящих с перекличкою, да ветрами холодящими сказ про озеро священное, что когда-то было лебедем.

Было это или не было, люди ныне не поведают, но про верность лебединую пронеслась молва старинная.

На Свири народу всякого побывало да проехало, загребая воду вёслами, в парусе ища подспорье, чтоб подняться до истока, до озёрного начала синеокой и широкой да порожистой реки.

Было и с Поволжья племя на лебёдушках-ладьях, и везло оно с Востока к морю балтов и норманов свой изысканный товар.

Лебедь их священной птицей, будто ангел белокрылый, по пути к порогам свирским взмахом крыльев белоснежных со своей супругой верной, большекрылой, светлой, нежной, от беды оберегал.

Но разбойники-злодеи на драконе-корабле притаились у порога, чтоб с мечами-топорами завладеть чужим богатством, когда будут близко лодки с лебединой головою на порожистой волне.

Взгляд лебёдушки острее, а не только понежнее, увидала лебедица копий тёмных частокол, острые рога на шлемах да железа отблеск злой.

Из небес белёсо-синих да от крыльев друга сильных полетела плавно к водам на порожистой реке, чтоб опасность да угрозу для плывущих дружно лодок ей получше разглядеть.

Но раздался посвист снизу, из засады у реки, тетева в руке злодея начертала смертным пеньем путь отравленной стрелы, что пронзила шею белой лебедицы у Свири.

Налетел на супостатов смелый лебедь удалой, бил отчаянно и с криком клювом, лапами, крылом, за лебёдушку-супругу, да за свой речной народ, чтоб в напасти у порога не настал его черёд.

Покраснев от тёмной крови ошарашенных врагов и от ран своих глубоких, лебедь к небу устремился из последних птичьих сил, камнем с выси устремился, усмотрев из поднебесья, где лебёдушка лежит.

И на том лесистом месте от падения его разлилась озёрной гладью, будто с кровушки потоком, в Свирь идущую протокой, словно птица с даром в клюве, если с неба поглядеть, под высокою горою необычная вода.

В этом озере священном лебедей хранится верность и спасение народа, что с Поволжья вёз товар. В нём они тогда укрылись от разбойничьей артели и за это, в честь лебёдки, языком отцов и дедов стали Юксозером звать.

СКАЗ О ВОЗНЕСЕНЬЕ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-дождутся в теремах резных. А сегодня ночью белою, будто чудом-сказкой дивною, серебром луны над озером, славным, грозным, да и ласковым, волн его суровых песнями, что поют с песочным берегом, сказ про наше Вознесение и про Свирь с Онего-батюшкой.

В годы шибко стародавние, как сказитель молвил знающий, речь украсив струнной нежностью, жил Онего в одиночестве, тосковал по ладной Ладоге. Было горьким его горюшко, да такое тёмно-чёрное, так печалью напоённое, будто берега скалистые, неприступные и грозные. Слал Онего в камни древние, что постарше его матушки, свои волны-воды буйные, да с упрямыми барашками, чтоб сточили тяжесть твёрдую, чтоб взломали силу прочную на пути к раздольной Ладоге для желанной милой радости.

И просил Онего-батюшка подсобить в управе с горюшком, с невестёлой его долюшкой, грозные ветра восточные во главе с рождённым в холоде, где подолгу нету солнышка, с ледяным севериком. Разгулялись ветры-молодцы, рассвистелись да заухали, всей своей могучей удалью раскачали буйство волн. Только скалы-камни древние, будто жернова тяжёлые, словно боль да горечь, тёмные лишь от натисков потрескались, не пускают никого.

Слёзы копит одиночества опечаленный наш батюшка, он ручьями и притоками, да окрестными болотами и небесными потоками, велика его тоска. И от зова его страстного, от любви-разлуки с Ладогой покраснела от сочувствия, от стыда за твердолобые, неприступные берега, хоть и твёрдая, но с жалостью, будто сердце материнское, как рукав для плача тайного, для народа легендарного, шокша — старая гора. С той поры стал край малиновым от Онеги и до Ладоги, вдохновляет очень многих его дивная краса.

Было так, а может, не было, кто же нам теперь поведаст, только каменное сердце, ярко-красная скала дала батюшке-Онего, будто сказка, словно песня, свет свечи и маяка, веру с доброю надеждой, как глоток воды прелестной, родниковой и небесной, сил на путь и чудеса. Если будет труд да вера, как надёжных два весла, вознесётся над бедою, над напастями и горем, над обидами и скорбью, как лебёдушка царь-птица, просветлённая душа. И вознёсся наш Онего, на пути своём к любимой, ладной, милой и родимой, не страшна ему скала. Острова его запели, с облаками полетели, горы тут же расступились, волны к Ладоге скатились, зашептались в перекатах, что мелодии свирели, как певунья-свиристель.

Вот с тех пор зовётся Свирию путь великий меж озёр. А начало — Вознесеньем, покорившим неприступность и печали силой веры с незапамятных времён.

СКАЗ О КРАСНОМ БОРЕ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-дождутся в теремах резных, а сегодня горкой красною, будто кровью обагренною, тёмно-алой богатырскою, а на самом деле ягодной, от брусничника поспевшего в дни осенне-листопадные, белой ночью — земляничною, в летний день — с малиной ароматною, сказ про то, как братья-воины у Ояти гнали ворога, заселили Красный Бор.

Шли с войны они уставшими, ран скопившие в побоищах, и искали горку с озером для семейного пристанища да для гнёздышка уютного.

Приглянулся братьям-воинам бор высокий с белым озером да с водой его прозрачною, чистой, будто родниковую, с изобилием зверя, ягоды да грибков манящих шляпками, окуневыми запасами, с вкусной щучьёю икрой.

Им рубить бы дом топориком покрасивей да просторнее, но на горочку заветную положил свой глаз сам чёрт.

Ветром он завыл недюжинным, засверкал нежданной молнией, солнце скрыл огромной тучею да обрушил градом-ливнями с громом-грохотом неистовым он на братьев свой напор.

Встали братья возле короба, обнажив мечи булатные да щиты свои багряные, чтоб сберечь свои сокровища, ратных подвигов наследие.

Отбивали дружно молнии, как шелка, ветра изрезали, прогоняя тучу чёрную с градом, что яйцо куриное.

Да у чёрта много силищи, хитростей число несметное. Комарьём-мошкой накинудся да летающими змеями.

Старший Яша пал у короба, оградил он грудью крепкою братьев от клыка змеиноного.

Самуил был воин опытный, змей летучих с гребнем красным он копьём своим пронзил и за топкое болото, будто камень, запустил.

Младший юным был и ловким, он щитом своим багряным будто мельницей крутил, комарья густые тучи все с мошкой смолотил и в воде озёрной белой молодецки утопил.

Разозлился чёрт рогатый, поднял камень из земли, да такой большой-громадный, будто глыба — часть горы.

Бросил на погибель братьев, чтобы разом придавить, да они не лыком шиты, дружно взяли из земли каменюгу чуть поменьше и, сказав слова чудные, чёрту в дар приподнесли.

Грохотали в небе глыбы посильней любой грозы, как ударились боками, словно злобные быки.

К дурню-чёрту всё вернулось, он с тех пор под глыбой спит, часть былых своих владений даже мёртвый сторожит. Стало озера часть чёрной, как душа-дела его.

Ну, а камень богатырский в белом озере лежит, добрым людям помогает у невидимой подводной и спасительной тропы.

Братья короб свой открыли там, где Яшу схоронили, стали Яшкиной деревней это место люди звать.

В честь своей великой силы и победы над злодеем Силкиным они прозвали у другой деревни ряд.

Не забыв про Самуила, по-простецкому Самыла горку стали величать.

А богатств своих остатки вместе с коробом большим братья в озере укрыли, чтобы внукам послужили, так с тех пор на дне озёрном, да с водой почти зелёной, все сокровища лежат в Карабановском озёрке, как гуляет средь народа стародавняя молва.

СКАЗ О ПОДПОРОЖЬЕ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-ждутся в теремах резных. А сегодня волн бурлением, пенным у стремнин течением нашей реченьки-красавицы, долгой, что свирели трель, синих вод её дыханием, плеском, шорохом, качанием сказ про то, как Свирь родимая к Ладоге своей в объятия меж камней, меж глыб спешит.

От губы Онего-батюшки до губы раздольной Ладоги путь неблизкий предстоит. Мимо луд да мысов каменных, мимо древних скал малиновых, мимо чёрных горных стен, мимо островов загадочных, по-над ямами да карами, да над тьмою омутов. Дня здесь будет маловато даже в пору ненаглядную светлых северных ночей. От истока оглянувшись на простор онежских волн, в переходе-перекате к разгуляю Лады волн, Свирь проводит солнце трижды, чтобы встретить поутру, уж потом с порывом страстным с мамой-Ладогой сольётся да в единую волну.

Ждал её уже в день первый перекатного пути самый грозный из порогов, что не зря прозвали предки в честь хозяина тайги. Там медведи обитали ещё прежде всех людей и, собравшись, будто стая, перекрыть решили реку, чтобы стать в таёжном царстве и речной воды сильней. Велика медвежья сила и сноровка велика, только лапою широкой и мохнатой бурой шкурой не управить прыть речную, не загнать её в запруды и не повернуть назад. Покуражились медведи, может, год, а может, два, камнепад наворотили, только от услуг медвежьих Свирь ещё сильней была. Но с тех давних пор в народе и пошла гулять молва, Медведцом порог прозвали, грозным стражем на Свири.

А за ним, чуть-чуть поодаль, за грознейшим из порогов заигрались в перекатах, засверкали чешуёю, вылетая из воды, вновь нырнув в струю речную, толстобокие сиги. Этим чудом да богатством подивились рыбаки, можно жить совсем без золота, лишь поставив дом с амбаром под порогом изобильным у красавицы-реки.

Здесь тянуть не надо невод, чтоб без рыбы не уйти, и сетей плести не надо, чтобы было, что нести. Решетом с большим обхватом воду в речке зачерпни, будет и уха с наваром, и жаркое, и соленье, да такие пироги, что не видывал вкусней сам царь Пётр, когда спускался капитаном по Свири.

Сиговцом порог прозвали в благодарность старики. Жить безбедно рядом стали лоцманы да рыбаки. А селенье под порогом, где живут в реке сиги, звать решили Подпорожьем, знатным местом на Свири.

СКАЗ О СВИРИЦЕ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-дождутся в теремах резных, а сегодня водной синью, разливной речной стихией, переплеском-переплясом волн высоких на ветру сказ про устье, про Свирицу, что последней провожает Свирь к озёрному нутру.

Будто к матери родимой, от озёр лесных спешат переливчатым потоком много рек, ручьёв, речушек, чтобы Свирь свою увидеть, чтобы с ней волнами слиться, вкусом нежным родниковым ей полны передать.

Ведь когда-то ей дорогу перекрыли валуны, от озёрного раздолья оградив сыпучим валом, на пути нелёгком долгом от онежских вод холодных к тёплым ладожским волнам.

Билась Свирь речной стремниной о песчаные бугры, но водички не хватало, чтоб с упорством вод бегущих путь к Приладожью размыть.

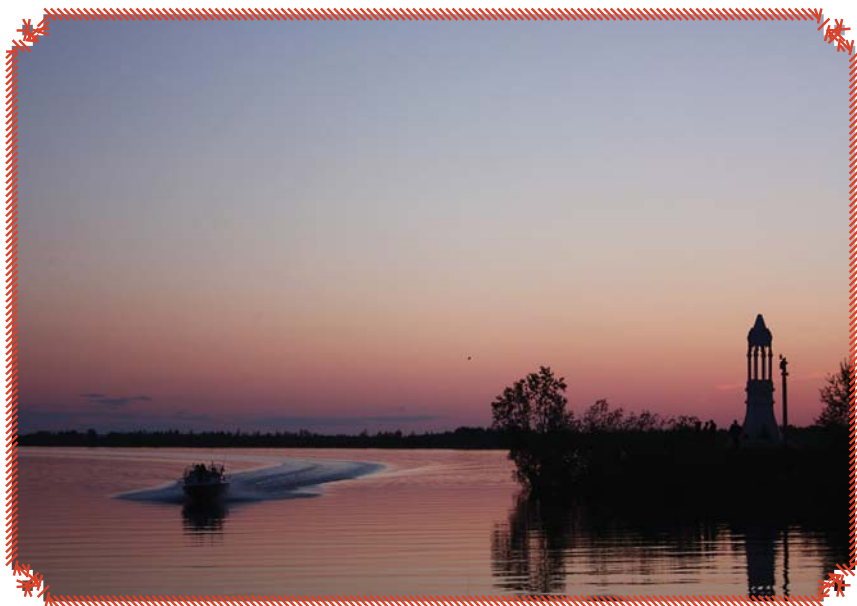
Ей медведь искал дорогу, разрывая, как берлогу, ямы на речном пути, лисы вырыли канаву, волки путь ей выгрызали, лоси сопки разгребали, и сметать крылом пытались с грозным шумом глухари.

С той поры стал заповедным край зверей и птиц прилежных, но водичке мягкой свирской не осилить мощь гряды.

Поспешили ей подмогой сестры-реки и ручьи, во главе Оять с Пашою, два особенных притока для одной большой реки, полноводьем торопливым новый путь нашли Свири.

Вот с тех пор всех рек водичка стала общею Свирицей, с островами да губами, среди каналов и ручьёв, с лодок стройными рядами, с переправами-мостами, с мысами да маяками возле свирских берегов.

Здесь цари бывать любили, их веленьем воду били, чтобы Ладоги раздольной успокоить долгий шторм.

И причальною столицей целый век звалась Свирица, принимая корабелов, угощая речников, что под парусом ходили, вволю и трубами дымили с пароходным колесом.

А теперь, спустя столетья, будто яркий лик Венеции, её тихий водный сон, где рассказывает были о минувшем шёпот волн.

СКАЗ ПРО АЛЁХОВЩИНУ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-дождутся в теремах резных. А сегодня нитью-реченькой, не прямой, а всё извилистой, об Буяна чудо-острова, до другого песне-рунного, что красуется в Свири, над оятскою водицею, что спешит к нам с вепских гор, сказ про воинов-разбойников, а быть может, про товарища всех паломников и путников, про Алёшу перевозчика с расписной его ладьёй.

Было это али не было, нам о том теперь не ведомо. Не гуляют нынче странники, песен не поют сказители, не понять нам людям нынешним вольных сказов-переливов ласковых оятских волн. А бывало раньше времечко куполов над речкой луковых и шатров, покрытых лемехом, да драконов-кораблей. Их вели враги рогатые на родимую сторонушку, чтоб побить всех добрых молодцев, захватить красавиц-девушек, увезти с мехами ценными, с серебром на век в полон.

Стрел свистели перья тонкие, звон стоял мечей разбойничьих, гул щитов и топоров над родимую сторонушкой, над оятскими над водами да над Лысою горой. Одолеть бы грозных ворогов, отогнать да сжечь бы лодьи их, как драконов огнедыщащих, только не скопилось силушки, богатырской славной удали у родных краёв защитников, братьев Софьи раскрасавицы и у всей её родни.

Подступили злые вороги к её терему высокому, поднялись с мечами острыми на резное на крыльцо, чтоб за море-океанище увезти в страну далёкую наше чудо небоглазое, нашу Софью раскрасавицу с пышной русою косой. Только Софья раскрасавица, тайны знавшая кудесников, обратилась голубицею, развернула крылья белые, улетила в лес густой.

Подивились злые вороги силе волшебства невиданной, испугались все разбойники, хоть храбрей на свете не было, колдовства

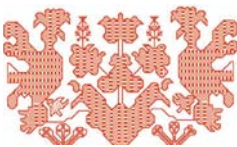

и чар оков, сев за вёсла свои длинные, устремились вслед за солнышком, увели навеки вечные от родимой от сторонушки грозный свой корабль-дракон.

И с тех пор в народе молвили, что та сила в Софьи омуте, что явилась в лесной чаще белокрылой голубице, раскрасавице-кудеснице, бережёт с тех пор народ. Поглядеть желали многие в зеркалах чудесных вод образ Софьи раскрасавицы, наше чудо небоглазое с пышной русою косой. Правда, явится не всякому та кудесница из прошлого, голубица белокрылая старопмятных времён. Только Лёше-перевозчику, что Алёхой прозывали за добро и простоту. Видел парень в лодье-лодочке ненаглядный образ девичий, когда ноченькой ненастнойю

голос чистый, тонкий, звонкий звал его на помощь в тьму. Помнят доброго Алёху, чистоту души его, в его честь село прозвали у холмов родной реки.

А ещё нам как-то молвили, будто сила рукотворная, красота и благолепие всех оятских гончаров потому на свете ценится, что умеют люди здешние так любить свою сторонку, милую да не-наглядную, что и глина лаской светится и узорами похожа на оятскую волну.

СКАЗ ПРО ВАЖИНКУ

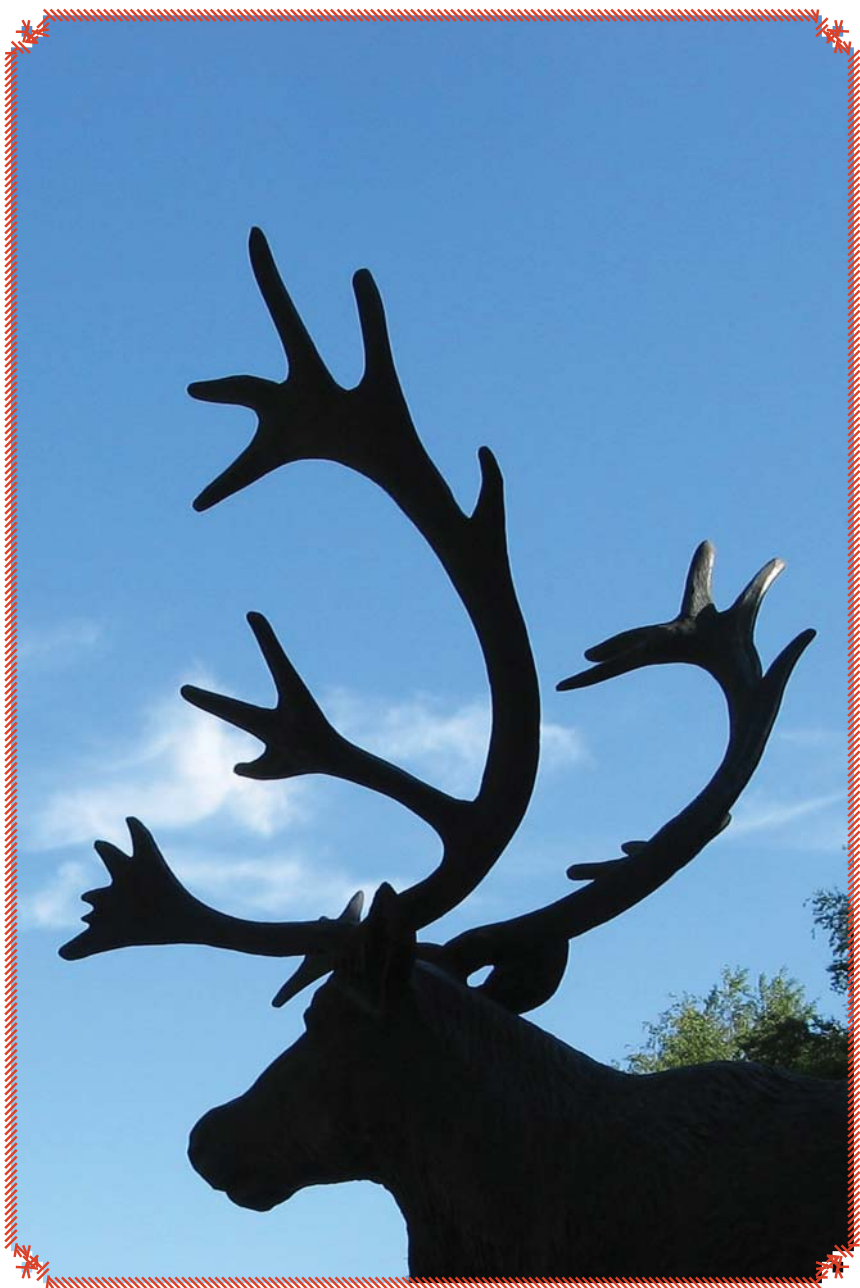
Сорок сказов, сорок присказок ждут-дождутся в теремах резных. А сегодня рек разливами, величавыми и говорливыми, над холмистыми громадами, над былыми камнепадами, в глухарей лесном краю, у медведей на пиру сказ про реченьку-красавицу, про первейшую из избранных дочь Свири внизу степенную, а в верховьях тайных дивную, про оленей маму Важинку.

Говорлива речь ручейная, коль струится вдаль по камешкам, так и наша быль про реченьку перемолвиться спешит. Ведь молва про речку важную, на пути купцов и воинов, испокон веков летит. Ввысь стремится, будто соколом, с вестью знатной в княжий двор та молва-хвала народная, что про Важинку идёт.

Если в были-песни вслушаться, добрым людям будет прок, муравой-травой нашепчет, набурлит речной порог про преданья да былины, сказки старины глубокой. Так и было с давних пор, что гордилась-любовалась наша Свирь своей водой, напоённая Онегой и широкою Пашой. И Оять с холмов далёких, да с певучих родников, ей несла свои потоки чистых и целебных вод.

Пили их лесные звери, птицы пили из Свири, пили люди, свято веря, что нет лучше из стихий. И прослышал князь про чудо свирской ласковой воды, повелел своей дружине эту воду привезти. Слышал он и про оленей, что кочуют вдоль реки, с необычными рогами, с мехом белым, словно снежным, приказал и их вести. Чтоб текла под самый терем чудотворная река, чтоб вольные олени подпирали ворота. Будто нет его важнее, словно он всего сильнее, не изменишь чудака.

Гул пошёл по всей дружине, недоволен стал народ, только коли подневольный, против воли царской-княжьей не поедешь – не попрёшь. Стали рыть-копать каналы, чтобы речки развернуть, да оленей стали править не на север, а на юг. Долго ль, коротко трудились, не окинуть

этот путь зорким глазом, чутким ухом, да и носом не вдохнуть. Только воды замутились родников, реки, ручьёв, силы с чистотой лишились, да под терем знатный князя не текли наперекор. И рогатые олени поклонились мхам родным, переплыли Свирь всем стадом, оглядев прощальным взглядом, все на Север побрели.

Только первый оленёнок, будто ласковый котёнок, маму Важинку просил, чтобы белые олени, побродив по белу свету, погуляв за белым морем, вместе с белыми ночами возвращались счастьем чистым к берегам родной Свири. Добрая оленей мама так любила малыша, что кудесницею стала, чтоб сбылась его мечта. Разлеглась на пнях и кочках среди северных болот и от них спешит слезою, мхом очищенной водою в Свирь загадочным потоком, ставшей важною такой, что с тех пор так и зовётся наша Важинка-река. И молва в народе бродит, будто белый оленёнок, что название такое его мама родила.

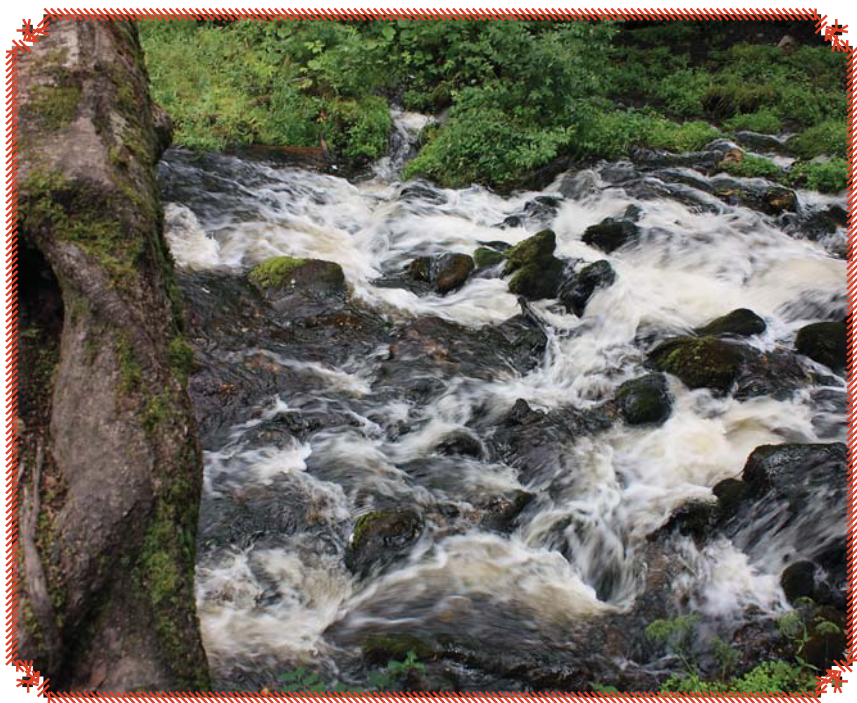
СКАЗ ПРО ВИННИЦЫ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-ждутся в теремах резных. А сегодня старой лодьей на серебряных волнах, чёлном-карбасом рыбачьим, светлым парусом льняным, вёслами из прочной ели, что поют, трудясь, в воде и несут долблёнку-венех по извилистой реке, сказ про чудное название — тайну старины глубокой, про Ояти украшенья у алмазной речки Шокши, сказ про Винницы-село.

Издавна велось в народе слушать добрых мудрецов, тех сказителей и старцев, чьи слова, что мёд лесной, сладостный, густой, душистый из целительных цветов. Ведь они речисто-чисты, как вода из родников, сердцем родине внимают, все пути ногами знают, босиком их исходив и тепло своей землицы с малолетства полюбив. Ведь они душою видят то, что былью-небылицей называют книгочеи, что по разным книжкам рыщут, чтобы выглядеть умнее, подсобрав мудрёных слов.

А в тех былях, будто трелях вечных странников небес, коль прислушаться, услышишь эхо прежних песнопений, рун, былин и струн звучанье и сказителей преданье, про истоки рек журчанье, про их странные названья в том краю холмов лесистых, что когда-то заселила, как писали летописцы, с мерей, муромой да русью и с другими чудь да весь. И звучали пересказы про живущих на Ояти небоглазых, светловласых и охотников чудесных, называвших камни — «киви», реки — «йоги», берег — «ранд», а ручьи, что возглас, — «ойя», так кричал рыбак счастливый, что вытягивал лосося из жемчужного ручья.

Вот и думают гадают мудрецы да книгочеи, почему и кто придумал у холмов, обжитых весью на извилистой Ояти, необычное название, с близким к веникам звучаньем или к винному напитку в туске из бересты. Говорят, «венаник» русских называли с давних

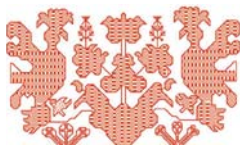

пор, что, приплыв сюда на лодьях, русы чуду подивились, красоте речных холмов и навечно поселились, обрели здесь добрый кров. Есть молва про Вингла-плаксу, что построил первый дом у оятского порога, а потом родне всей плакал, что врагами на драккаре был однажды разорён. И про брата его Видла, что с еловых берегов, говорят порой в народе, но не ведают, не знают, кто же первым в самом деле, почему, в какое время всем известное название у Ояти произнёс.

Может, вёл он лодку-венех вдоль могучих берегов, зная путь короткий лесом до родных ему Озёр, но с дарами из похода, из великого пути, поднимался по изгибам заплутавшей, закрутившей свою водную дорогу милой реченьки Ояти долго так, что вспомнил остров и каналов разветвления на другом конце земли. Там, где с Запада, с Востока свой товар везли купцы, там, где викинги в походах свою

удаль принесли, за Царь-градом в тёплом море про Венеции красоты под размеренный плеск вёсел речи многие вели.

— За морями жить не худо и красот не перечеть, — скажет старец-песнопевец, перебрав поводья-струны. — Но в любом далёком царстве, что за тридевять земель, не найдёшь и не отыщешь край милей родной земли, что не хуже гор швейцарских да венецианских лодок, потому в названье Винниц мудрость старцев и народа да любовь, какой не купишь, в этом тайна поколений, вот её и сбереги.

СКАЗ ПРО ВОНОЗЕРО

Сорок сказов, сорок присказок ждут-дождутся в теремах резных. А сегодня чудом чудным, дивным дивом наших реченок, говорливостью ручьёв, родников прохладных свежестью и морошковых болот сказ о необычном озере, что в легендах об охотниках, о паломниках да путниках, как спасительный исток.

Если старцы седовласые, струны нежные задев, порасскажут об озёрах нам милой свирской стороны, не забыв и про оятскую, долгим будет пересказ. Есть бездонные, глубокие, будто русла древних рек, в них с обрядами-поклонами наших старцев прапрапрадеды прятали тайком сокровища, чтоб в подземном царстве предков силу их от супостатов и от сглаза хитрых недругов для потомков небоглазых под водой, как под замками, в крепкой, что орех, шкатулке, на века беречь-хранить. Есть озёра, что кудесники, будто странники и путники, уходящие под землю, словно не было здесь их. Есть безбрежные озёра среди таинственных болот, есть с водою тёмной страшной, есть такие, что стекло. Их в Присвирье-Приолятье сотни три на перечёт, и у каждого характер, норы свой и свой народ.

Только времени стихия — что спешащая река, речь пойдёт о важном самом в нашем милом и любимом, нашем щедром и желанном краю рек, ручьёв, озёр. Здесь явился сон оятам, вещий в образе волхва, будто счастье их народу белокрылый длинноногий аист в клюве принесёт. Ищет он в полёте долгом среди северных болот ели три, как три сестры, чтобы на верхушке старшей в окружении других свить гнездо, да не простое, а чудесное такое, чтоб с него птенцы однажды видеть озеро смогли среди лап-ресниц еловых, будто добрый глаз земли.

Весть пошла по всей округе, всех спросили рыбаков, где найти такое чудо, чтобы сбылся вещий сон, ведь народы верят в счастье,

каждый думает-мечтает эту радость обрести, истоптать лаптей под сотню, чтобы его в пути найти. И охотников просили, знатоков звериных троп, не видали ли озёрка, над которым, как во сне, ели три, как три сестрицы, возвышаясь над лесами и прибрежными холмами, когда ветер загуляет, кланяются со скрипом вдаль летящим облакам.

Долго ль, коротко ль искали люди добрый глаз земли, старцы нам не рассказали в переливах своих струнных, в мелодичном перезвоне, будто в плеске-переплеске ласковой речной волны. В их мудрёном пересказе спас народ чужак один. Не бродил он по дорогам, чтоб в краю большом озёрном счастье-аиста сыскать, посадил-взлелеял ели у своей родной избы, что над озером любимым ещё дедушкой родимым ставилась к венцу венцом, повелел и внуку с сыном ели знатные растить. Время шло неумолимо, вот настал особый срок, когда эти сёстры-ели

в два обхвата толщиной стали выше всех в округе и со скрипом на ветрах дарят всем свои поклоны. Чудака прапрапраправнук в поисках вороньих гнёзд, чтоб найти в них драгоценность, влез однажды ловко к небу по стволу огромной ели, там на облачной вершине, среди лап-ресниц еловых закричал, увидев счастье:

— Вон озеро!

С той поры народ всё понял, ждёт с волнением и надеждой белокрылого посланца на своей родной земле. И чтоб было ему легче меж бесчисленных озёр отыскать гнездо среди елей, необхватных трёх сестёр, стали озеро под ними, речью-говором-молвою люди Вонозером звать.

СКАЗ ПРО ИВАНА ОСТРОВ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-дождутся в теремах резных. А сегодня синью озера, до того небесно-чистого, что в волнах его полощутся, будто в выси, облака, сказ про боль Онего-батюшки, про тоску его великую, что свирелью одинокою в даль речную унеслась.

Было это али не было, кто ж про то теперь поведает, не осталось нынче рядышком самых старых из людей. Лишь молва идёт народная от давнишних прапрапрадедов, что Онего наш в согласии жил с супругой ладной Ладогой, переливчато играючи, мир храня из века в век. Жить бы дальше в этой радости, в неразлучной их любви, да как в каждой сказке водится, от беспечности и счастья, если кто-то позавидует, не далёк путь до беды.

Шёл колдун, чернее ворона, с грозным взглядом из глазниц, с носом-клювом хищной птицы, не с ногтями, а с когтями на морщинистых руках. Думой мрачною опутанный, злыми помыслами скрученный, не сумел пройти без злобы мимо любящей и нежной, мимо ладожско-онежской, полной радости волны. Бормотал свои проклятья чужедальний чародей, из зубов гадюки старой, переполненных отравой, с беленой, болиголовом, да подсыпав волчьих ягод, сотворил своё он зелье, влил с заклятьем-заклинаньем в тёмный омут и в ручей, что спешил в объятья Лады, к сердцу Ладоги родимой.

А она, испив отравы, зашумела-завелась, поднялась волной высокой выше всех лесных верхушек и за солнцем уходящим, как вокруг за вечереем, укатила свои волны от великого Онего, а за нею, за любимой, больше трёх десятков речек, а ручьёв — не счесть годами, столько было у широкой, столько было у раздольной, ладной Ладоги детей.

Гордый наш Онего-батюшка перво-наперво разгневался, зашумел, гремя приборями, на сбежавшую за солнышком Ладу милую свою, а уж после запечалился, думу думать стал глубокоу, как бы Ладо-

ге одуматься и вернуть к нему родимому свою милую волну. С ним сто речек-дочек любящих и сынов его проворных — чистых водами ручьёв. Слёзы лили-горевали, много чистых вод набрали, покумекали-решили, дружно дело поручили всех любимице-Свири. Сил набрав с ручьев чистейших да от рек-сестриц милейших, разгулялась-расплескалась от Онего вширь река. Меж камней пути искала, их сверлила-раздвигала, а потом нашла дорогу да по матушкиному следу свои воды понесла.

Тут колдун-старик зловредный, что влюблённых разлучил, вызвал на подмогу бурю, с ней беды наворотил. Наломала-накрошила буря сосен на пути да камней наворотила, чтоб Свири с водицей чистой к маме было не пройти. Билась реченька о камни, о большие валуны, поливала их слезами, только с ними хоть полегче, но сквозь камни не пройти.

Но явился лебедь белый с поднебесной высоты, а ударившись об оземь, стал богатырём большим. Натянул свой лук могучий, кол

осины вдаль пустил, колдуна такой стрелою метко в сердце поразил. А потом камней завалы и большой лесоповал богатырскими руками порасчистил-раскидал. Расплела река-красава свои косы-рукава, родников отцовых силу к маме-Ладоге раздольной с дивной трелью свиристели, будто вёдра с коромыслом, говорливо да речисто величаво понесла.

Богатырь меж них остался, став на страже навсегда. На груди его могучей, как на острове холмистом, стали люди поживать, называть его Иваном да защитой всей Свири, будет надо — он, как раньше, белым лебедем священным над рекой своей любимой, будто ангел, пролетит.

СКАЗ ПРО КАНОМУ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-дождутся в теремах резных. А сегодня вольным парусом над сосною корабельною, что от ветра-долгостранника заскрипит да закачается над любимым свирским берегом, над родимую сторонушкой, сказ про небольшую реченьку, но со славную историей, сказ про лодий колыбельную.

Паутинками, как струнами, зазвенит трава-муравушка, если хочется прислушаться, поразмыслить-призадуматься над делами и заботами, над мечтами наших прадедов.

Своей мудростью сердечною и любовью к милой родине их дедов учили пращурь, наставляя уму-разуму.

Не писали тогда грамоты на листах сухих берёстовых. Важно было слово вымолвить, слово укрепить, как в кузнице, храбрыми делами, трудными, сохранить для рода-племени, передав потомку умному.

Звали те слова великие наши предки стародавние конами — всего законами, пели их под струны кантеле.

И под соснами певучими, красными, как наше солнышко, жили долго люди с конами, избегая бед и пакостей.

Их детишек Свирь баюкала плеском колыбели вольной, принимая речек волны из болотной синевы, а на горочках-пригорках у одной такой реки гривы распускали кони, будто ангелы земли.

И как матушку родимую, любящую своё дитяtko, звали деды наши-прадеды свою землю ненаглядную просто добрым словом «ма».

Но пришло лихое время, из-за моря, из-за гор к нам на Свирь явилось племя ненасытных чужаков, корабли свои украсив, будто это злой дракон.

Горя было от рогатых, бедствий страшных через край, рвались струны кантелистов, чтобы передать-поведать тех, кто спасся, гнев и боль.

И собрались люди-старцы на великий званый сход, и призвали всех, кто может, кто держать способен камень или палку, как копьё.

Все от мала до велика вышли грозно на врага, на дракона и рогатых, там, где их ласкала с детства мать высоких звонких сосен, песенконов — Канома.

Долго бились люди-коны, защищая берега речки Каномы родимой, прогоняя, будто нечисть, супостата-чужака.

И остались от драконов только были-миражи, а на месте битв великих, там, где сосны у Свири облака цепляют кроной, поднялись курганы славы, память знатной старины.

И когда взыграют струны у сказителей былин, паутинки на курганах закачаются им в лад, чтобы старцы не забыли, кто в событиях великих на земле геройской конов был героем из народа, не жалея сил и глав. Речи льются, словно реки, мудрость прадедов неся.

Говорят, сам царь Пётр Первый, плотник ловкий — самодержец, разузнав про давний подвиг, про сражение с драконом прежних каном-

ских свирян, повелел фрегаты строить и другие корабли из их славных звонких сосен, над курганами героев, пьющих силу и хранящих из родной своей земли.

Застучала топорами и запела пил зубцами по царя Петра указу наша свирская земля.

И на месте знатных сосен, красоты холмов Свири, появилось поле-полношко, у которого качают, как у первой колыбели, волны флота корабли.

Сказ про эту колыбельную можно долго продолжать, про победы и сражения, про открытия великие, только струны-паутинки, только струнный конский волос лучше больше не тревожить, а подумать-поразмыслить и, запомнив хорошенько, песнопение народа новым сказом продолжать.

СКАЗ ПРО КОНДИ-ХОЗЯИНА

Сорок сказов, сорок присказок ждут-ждутся в теремах резных. А сегодня рыком-рёвущком над таёжными просторами, над борами золочёными, над ручьями да над речками в нашей сказочной глуши сказ про Конди косолапого, а ещё широколапого, что гуляет в лето красное вдоль красавицы Свири.

Он припевы струнной памяти, что народу любви-дороги, слушал давнею порой. Слушал медвежонком маленьким на краю постели маминой, как метель-старуха снежная, вся колючая, небрежная, вместе с волчьей грустной песенью свой мотив с тоской плела.

От Онеги и до Ладоги, и до моря ледовитого песня та слышна была. Только мама косолапая, только мамочка мохнатая, поступью широкопятая, не слыхала, проспала.

Громко плакал Конди маленький в темноте берлоги маминой и пытался прорычать переливы песен дивные, хоть тоскливые да милые, не давая маме спать.

— Ты проснись, послушай, маменька, как зовёт наша сторонushка, плачет-воет, будто горюшко, да у самого у домушка, чтобы солнышко позвать!

Да сопит, не слышит матушка косолапого ребятушку, ведь привыкла родом-племенем до воды весенней спать. Ей тепло в берложьем домике, под сосной большой раскидистой, а под шкурою мохнатую хватит малышу добра. Да упрям сыночек маленький, да отзывчив Конди мягонький на чужие голоса.

— Раз так спишь, не слышишь, маменька, как зовёт наша сторонushка в гости ласковое солнышко, я пойду его искать!

Укатился Конди маленький, не по возрасту удаленький от мохнатого тепла. Долго ль, коротко ль он странствовал, да учился лесом властвовать, подпевать, деревья пестовать в беге волчьего следа.

Был почёт у серой братии и у рыжих с белоснежными у такого малыша. А когда весна-красавица распустила почки нежные, зашумев ручьями звонкими, Конди к людям подался.

Испугались деревенские, усмотрев медвежьи норовы, что привычны на урочищах, у дремучих чащ с берлогами, услышав звериный клич такой у родимого крыльца.

Ухватили руки сильные вилы с косами-литовками да дубинушки с ухватами, коли не было ружья. Подивился в шкуре маленькой друг и царь всего зверья, что гостей мохнатых, мягоньких, добрых сердцем, не злопамятных эти люди неразумные грозно гонят от двора.

Наступил им что ли на ухо, что не слышат песню звонкую, хоть и рыком напоенную, солнца, света и тепла?

И пустился Конди ласковый косолапо, но с приплясками, в пляс с присядками, рыча. Кувыркался с рыком-песнями перед мужиками местными, в круг весенний их маня.

Отпустили руки сильные все ухваты, косы с вилами под медведя кренделя. Было энто, али не было, кто же теперь всерьёз поведает. Но молва пошла народная, что весна с того пришла.

Будто Конди косолапого, а ещё широколапого мужики и бабы с чадами, да с котами и собаками и со всей скотиной знатною, и не знатную спрося, за весенние гуляния, за веселие нежданное стали величать хозяином и тайги, и их двора.

С той поры, давно неведанной, прадедами нам завещанной, Кондушами деревенские стали двор свой называть...

От Онеги и до Ладogi, и до моря ледовитого слава добрая и чистая, будто песня, пронеслась Кондушей — медвежьей радости, Конди маленького смелости и душевной доброты.

СКАЗ ПРО ЛАДВУ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-дождутся в теремах резных. А сегодня быстрым ястребом, зорким соколом на небе, сосен смоляных качаньем и журчаньем родников, что поют и поят зверя, птах лесных и человека, доброго, как верный путник в светло-жёлтых лапотках, сказ про вепсскую вершину, сладкую, что земляника на родимых берегах.

Шла молва среди народа, как на поле добром ветер, что баюкает колосья, клонит травы и цветы, будто есть на свете нечто расчудное такое, что прибавит мудрым мыслей, силачам великой силы, а девицам небоглазым, светловласым, с тонким станом — удивительной красоты.

На такое загляденье да на дивное творенье наглядеться всем охота, чтоб у чудного истока, как в волшебной старой сказке, стать мудрей, сильней да краше даже утренней зари.

Наплетя лаптей запасы, смазав дёгтем сапоги да рубахи подпоясав, поспешили чудаки в путь далёкий неизвестный, чтобы счастье там, где нечто, как корову обрести.

Долго ль, коротко бродили, да расспросами дивили на бесёдах деревенских седовласых стариков, не слыжавших, не выдавших, будто вырос где-то в дебрях, в тёмных гибельных чащобах то ль цветок какой особый, иль ещё какая небыль, всем дающая такое, будто мёд в дупле пахучий, чем желаешь обладать.

Лишь в одном селенье дальнем, что на острове Буяне, омываемом Оятью, разузнали чудаки, что у этой речки долгой да извилистой, что мысли, если ими полон короб, можно что-нибудь найти.

Добрым старцам поклонились, лодку справить не ленились и, веслом еловым права, помощи прося у ветра, стали с плеском подниматься за источником желаний, истоптав лаптей запасы да из кожи сапоги.

Под речной струёй проворной цепь камней лежит коварных, остро-бокких вечных стражей, губящих плоты и лодки, только страхи и пороги не пугают чудаков.

Позади остались мысы, распрекрасные озёра, покрова болот бескрайних, над которыми услышишь птичьи песни о любви. Узким стал Ояти пояс там, где спят холмы-медведи, высоки лесов загравки, говорливее вода.

И у чудной каменюги с бородой волос зелёных, омываемых Оятю, словно матерью младенца, чудаки сошли на берег, чтоб размяться и напиться из подземного ключа.

Ладной в нём была водица, так на солнце и искрится, и в вершинах старых сосен виден лад да красота. Путь пройдя нелёгкий славный, чудаки сильнее стали, сноровистей и мудрее, им никак не наглядеться на такие чудеса.

Стали жить в краю чудесном, что назвали дружно Ладвой, а кто в ней не ставил стога, землю на ладонь не брал, тот не ведает вершины среди вепсского народа, не смирил своей гордыни, кем бы не был он на свете, нечто чудное в верховьях у великого истока всей душою не познал.

СКАЗ ПРО ПЕЧЕНИЦЫ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-дождутся в теремах резных. А сегодня будто явствами, пирогами, разносолами да со сканцами румяными с ароматом каши лакомым и ушицы царской манящей сказ про душу деревенскую, про избы любой сокровище, сказ про печь из глины каменной, что из звонких кирпичей.

Было времечко бывалое, горьким дымом затемнённое, курное и шибко чёрное да с горючими слезами, как в лесу у костерка.

На постелях на соломенных спали люди стародавние, а над ними сажей мрачною, словно небо стылой осенью, растилась в звонких допочках, без просветов, верхота.

Много ль годиков, аль мало ли так народ крестьянский маялся, хлеба-соли с дымом кушая, будто пеплом посыпая, нам про то никто не сказывал, даже самый древний дед. И в былинах в струнном голосе про житьё бывшее дымное не поют давно сказители, не рассказуют в песнопениях, как учили деды-прадеды покорять-любить огонь.

Только есть поверье дивное, что давным-давно привиделось то ли людям, то ли лебедю, что был первым их хранителем, чудо чудное, как сон волшебное, как огонь из повелителя и разбойного губителя превратился вдруг в спасителя, в света и тепла хранителя, обучившего прапрадедов делать вкусную еду.

С той поры, давно невидимой, как в глуби морей загадочных, что Свири-, Ояти-матушек и в помине не звалось, стал огонь душой и радостью да великих дел вершителем, мастеров большим учителем и целителем без слов.

Долго вёл он повесть дымную, курную и затемнённую, чтобы греть людей по-чёрному, как когда-то повелось.

Только в сердце огня-батюшки было место и для мудрости, для любви к людскому племени. Подсказал он людям сведущим, любо-

пытство привечающим, что от красной мягкой глины, если очень постараться да на славу потрудиться, можно делать чудеса.

Долго мяли эту глину, а затем огнём сушили, а услышав звон чистейший, стали башни собирать. Да не ту, что в Вавилоне не смогла достать до неба, раскидав людей по свету.

У печей другие башни, что, конечно, выше дома и из тыщи кирпичей, да не высятся над ветром, чтоб не падать, не пугать да гордыней не смущать.

А с душой печной уютной да с палатами и банькой в доме доброго огня зажилося народу лучше, радостней, вкусней, привольней, для

хозяйюшек проворней, хлебосольней, разносольней для гостей желанных лучших, да и для другого люда, всем достаточно тепла.

Вот и сказывают люди, что их печь — душа деревни, что душа любого дома и по чести благодарной за рекой раздольной Свирью щедро делится добром.

Бережёт ту печку Рахкой, что зовут запечным духом, управляет он отменно противнем и кочергой.

Если надо, жар подбавит, чтобы в щак навар стал гуще, поразваристой кусочек. А порою и придержит, с куклой-кашей чтобы в меру сделал ужин кашевар.

И как в сказке, он напарит и хозяина, и гостя, а потом на печь положит, до утра тепло храня. Много маленьких секретов и больших у духа печки, и погоду он предскажет, и поможет боль унять.

А когда наступит время, Рахкой тайной не скупится, передаст с душой советы звонким красным кирпичам.

СКАЗ ПРО РАХКОЯ-ЗАСТУПНИКА

Сорок сказов, сорок присказок ждут-дождутся в теремах резных. А сегодня птицей вольною да над свирскою волной речной, над лесами, над болотами, над озёрными разливами сказ про Рахкоя-хранителя, про чудесного целителя, про Свири богатыря.

Был он малым, меньше листика, что на дереве качается, с ветром ласковым ласкается. И никто его не видывал, ничего о нём не слыховал в наших северных краях.

Лишь одна старушка древняя, что древней берёзы старенькой, той, у старой у околицы, что веками здесь росла. Говорила эта бабушка своим внукам и праправнукам, как была она такую же, с краской на щеках румяною, и звала свою прабабушку на беседы у крыльца. И на тех беседах песенных, на припевах струнной памяти быль про Рахкоя пошла. Будто от берестяного паруса, словно от платка берёзоньки, колыбель ему сплели. Молоком же сок берёзовый стал для маленького Рахкоя, давший силу от могущества главной матери — земли.

И она наша родимая, для врагов неодолимая и для всяких разных недругов, силы Рахкою несла. Был он чист, белее снежного покрова над лесом утренним, когда облако бескрайнее нам дарило первый снег.

Был теплее сердца матери и сердец, любовь лелеющих, будто верные лебёдушки, на небесной синеве. Вот тогда-то, думу думая, как помочь людскому племени в их привычном горе-горюшке, в их нескладной доле-долюшке, в лютном холоде кручин, попросил берёзку-маменьку отпустить его, не плакавши, не горя веткой тонкою, опустившейся к земле.

Разметала ветки-косыньки, опустила ветви-рученьки мать-берёза от беды. В ней хранилось больше мудрости, чем камней и мелких камешков у краёв речной волны.

И на славном белом парусе, на платке её сияющем белоснежной бересты грусть-тоска разъела чёрточки, что темней-черней золы. Но держать-неволивать Рахкоя, что из трепетного листика вырос статью и окреп уже, не могла берёза мудрая и, взмахнув ветвями тонкими, став печальною-плакучею, отпустила от груди.

Рахкой был любимым детищем, родничком берёзки-матери, силою родной сторонушки, славою своей земли. И любовью материнскою, щедрой, верной, нескончаемой, стал делиться он с людьми.

Он берёзовыми ветками в праздник тёплой светлой Троицы души грел в домах других, а порой сырой-холодно согревал теплом берёзовым их от глиняной печи.

Не забыл и банных радостей, исцеляющих болезного, что и здравому полезные. А без листьев – мягких зубчиков сор ветвями оголёнными, будто ранеными ручками, собирал со всей избы.

Но не тешил этим мусором, этим сором домовитости на чужих дорогах-улицах дурней злые языки. Рахкой был добрее доброго и по-

лезней всех полезностей, вот и звал народ целителем и родных краёв хранителем с благодарностью мальчика.

А в годину окаянную, что явились вражьи полчища, он набрался сил берёзовых от родной землицы-матушки, супостатов чтоб прогнать. Долго ль бились али коротко, уж о том народ не ведаёт и в былинах не поёт.

Но развеял Рахкой вражины все полки её несметные, меж холмами и озёрами, будто сено разметал. Было это, али не было, не узнать уже доподлинно, но с тех пор над нашей Свирь-рекой, меж Лодейным милым полюшком и былыми деревеньками гордо высится гора.

И молва идёт народная, говорливой шумной реченькой, что на той горы вершине, как в младенчестве на ветках, на руках родной берёзы, долго спал наш богатырь. Так умаялся от битвы с лиходеями Отчизны, что проспал спаситель Рахкой ночью тёмной час беды.

А поблизости, в трясине, с головой – болотной кочкой зависть подлая жила. Гнидой-гадиной ползучей от поганого болота до высокой той вершины как-то хитро доползла.

Доползла со всею свитой из поганок и пиявок, прочей нечисти и твари, ядовитости полна. Беленой околдовала и настоем волчьих ягод после битвы с супостатом спящего богатыря.

Вот и спит заступник Рахкой, наш хранитель и целитель, на загадочной вершине, над рекой раздольной Свирью, как таинственный курган. Он не просто заколдован гнидой-гадиной ползучей из поганого болота, что добралась до горы.

Всё добро забыли люди, слышат только пересуды, будто Рахкой злой и грязный от печной своей золы, будто маленький и хилый, вредный, глупый и крикливый, и никто почти не знает, что страдает без вины.

На горе теперь болото, пустоту гоняет ветер, только старая берёза плачет долгими слезами с расколовшимся от горя, словно раненым, стволем...

СКАЗ ПРО СПИРКУ-ЦЕЛИТЕЛЯ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-ждутся в теремах резных. А сегодня всплеском окуня, гульбищем речной форели, силой царских лососей, над родимыми просторами, над мысками да над лудами и над мелями подводными с островами без людей сказ про Спирку мешковатого, чудодивного, забавного, что в доме над Свирью-матушкой всех встречал с большим радушием, курниками с белорыбницей, сканцами с душистой кашицей, мёдом добрых свирских пчёл.

Хлеба-соли не жалеючи, как учили деды-прадеды его деда с давних пор, Спирка потчевал-звал каждого, от красавца-князя с воинством до скитальцев-чужаков. По сусекам закровов своих он просил супругу милую, кроткую свою лебёдушку, постараться-поскрести ещё, заприметив из окошечка на Свири-реке любимой лодьи званых да с незваными, дорогих душе гостей.

Люди добрые-беседные, что злословиям чужды, коротали тьму легендами у лучины и свечи. И была молва меж ними, как плетенье бересты, что в годину уж далёкую, да суровую, тревожную, он Настасью в доме потчевал, что прославилась как Храбрая в Новгородской стороне. Спирка был для всех радушия образцом и молодцом, но сыскались люди тёмные, что, картавя, будто вороны, донесли беду-донос. Князю новому, московскому, новгородцев невзлюбившему, их былую волю-волюшку с войском лютым покорившему.

Князь на сплетников прогневался, баламутов и лжецов, но задумал думу-думную от доноса плетунов. Долго ль думал, али коротко, но устав сидеть-кручиниться, повелел тогда боярину, да из рода Завалишиных, всё про Спирку разузнать, чтоб примерно наказать, и народ на казнь созвать, да и воинов-стрельцов.

Из окошка нагуляешься, коли домик у Свири, вот и Спирка всё любитесь да с лебёдушкой милуется, волны слушая реки и завидя две лады. Печь супруга затопила, по сусекам поскребла, по привычке доброй мужа сканцев для гостей спекла.

Важный князь привык к поклонам до воды и до земли, но чтоб вместо хлеба с солью подавали пироги, не встречал такого чуда и спросил: «Ты что, холоп?»

— Пирги вам, — ответил Спирка, — гостю рады от души.

— Что за пирги? Пирги чьи?

— Так зовём мы пироги. И они теперь ничьи. Первый раз такие гости, что брезгливы от вражды. Мы с лебёдушкой-женою из последней из муки их для гостя напекли, но подарим их Свири. — С тем и бросил их с поклоном в волны матери-реки.

Тот боярин рассердился, не сдержал невольный гнев, Спирка с жизнью распростился на глазах своей любимой, ненаглядной, кроткой, милой раскрасавицы жены. Говорят, что время лечит, очищает от вражды, и боярин – князь московский сам заплакал от беды и велел поставить камень, там, где слышал, не услышав, про радушия пирги.

И с тех пор пошло название, для людей напоминая о добре и о любви для деревни самой старой на раздольной на Свири — Пиркиничи.

СКАЗ ПРО ТЕРВЕНИЧИ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-дождутся в теремах резных. А сегодня вместе с соснами, что на вольных на ветрах с облаками да со звёздами на бесёдах говорят, да могучих елей лапами, что раскинули шатры, да с берестяными рощами-радостью родной земли сказ про лекаря чудесного, как янтарь, как сердце чистое, что спасает от беды.

Знают песни коннострунные были про богатырей, помнят руны и про знахарей, исцеляющих людей, силой трав, корней невидимых, соками земных плодов. Рунопевцы много ведают про края наши дремучие с незапамятных времён, где младенцев седовласыми, как берёз родных стволы, раскрасавицы-чудесницы, как русалки небоглазые, к горкам сосенным несли. От печной золы древесной, ставя первые кресты, на отцовском на пороге от наветов и вражды, шли босыми по тропинкам, не боясь в пути змеи.

Кланяясь могучим елям, как всем прадедам своим, оставляли рукоделье на ветвях их у земли, чтобы подсобляли предки в малых и больших делах и младенцев седовласых сберегали, будто птах. А на взгорках да пригорках над разливами озёр у могучих красных сосен жгли магический костёр. И просили-умоляли мамы силы у сосны, душу-соки принимая из израненной коры. И текли-текли живицей капли яркие смолы, чтобы раны залечили, кровь из них остановили, чтобы с хвойною душою и с её янтарной силой люди жили не тужили и здоровье берегли.

Называли ту живицу обитатели лесов словом ныне незнакомым, чуди, веси лишь понятным, но звучанием известным людям разным с давних пор.

— Терв! — И сердце отзовется силой вековой сосны.

— Терв! — Росой трава нальётся, каплей розовой смолы.

«Терв» — смола, и «терв» — живица, счастье, радостные сны,
«Терве», «терхвен», «тере» — слышим, доброты они послы...

На высоких на пригорках, на оятских берегах жил народ легко,
привольно и здоровья всем желал. Как придут-придут гости из далеких
волостей, им с поклоном пожелают:

— Терхвен — жизни, как живицы, без невзгод, хвороб, смертей.

Так и жили не тужили люди эти с давних лет, всех любя и не ругая,
без болезней и без бед. И прозвали их пригорки, красных сосен славный
край, в честь лечебницы-живицы, всех готовой привечать словом
милым и желанным, хоть сто раз его кричи, словом в честь смолы-
живицы — Тервеничи.

СКАЗ ПРО ТРЁХ БРАТЬЕВ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-дождутся в теремах резных, а сегодня поздним вечером, за неспешными бесёдами у печи могучей матушки да на лавке ровной сосенной, над лучины светом трепетным, глядя в небо наше звёздное над холмами с белой скатертью из окошечка уютного сказ пойдёт про братьев давишних, что искали счастье-радости друг от дружки вдалеке.

Было это али не было, разузнать помогут странники, по крутым холмам бродившие, лапти вволю износившие и с ветрами говорившие на чудесном языке. Звали братьев роду знатного, да как будто чужеземного, именами непривычными для родимых наших мест. Старший Шам самостоятельный крепким, статным был, выносливым, и светлее лунной бледности голова его была. Средний Шем был всех плечистее, коренастей да сноровистей, но темней угля печного, уж холодного да чёрного, голова его была. Младший Шим родился с норовом, брал не силою, а хитростью, и его копна-головушка вроде русою была.

Сговорились как-то сдюжиться эти братья неразлучные и, собрав дары осенние да зазвав на пир народ, на горе над Свирию-матушкой, что широкой лентой катится от Онеги и до Ладоги, наварить для люда праздного прямо в озере глубоком небывалого да сытного, всем на зависть кулеша. А кто лучше расстарается, тот получит бочку полную не наваристой похлёбки, не гороха да не проса, а камней всё драгоценных, жемчуга да самородков и немало украшений, всё из злата-серебра. Коли слово было сказано, рукава пора засучивать, чтоб похлёбка небывалая точно к сроку подошла и кому-то удалому клад великий принесла.

Старший Шам взял перво-наперво свой топор давно наточенный, что у каждого у плотника, если родом из Олонии, от рожденья и до старости самый важный инструмент. И пошёл на чашу тёмную,

как на недруга да ворога, молодецки да размашисто, чтоб костёр под малым озером из деревьев необхватных разгорелся до небес. Задрожали сосны статные что осиновыя веточки, плача каплями живицы от такой большой беды. Только слёзы те напрасны, не видать им всем пощады, ради прихоти-забавы.

Шам рубил, костёр готовя, сделал гору предков лысой, чтоб дивить народ повсюду небывалою похлёбкой вместе с окунем и щукой и с колючими ершами, с раков острыми клешнями. Шем побрёл к восходу солнца, чтобы сотнею медведей да с лосями, глухарями на охотничью удачу дичью тот кулеш заправить так, чтобы славой небывалой победить в великом споре. Он в краю озёр с ручьями да с лесистыми холмами стал сгонять зверей да птицу меж глубоких тёмных вод. Где-то палом, где-то шумом, где-то долгою ходьбою да с собачьею гурьбою добывал наш Шем охотник небывалый свой трофей.

Стала Шаменская голой от разгула топора, живописная когда-то у Свирь-матушки гора. Да и Шеменским пригоркам довелось не-

сдобровать. Был азарт у Шема долог, да сноровка хоть куда. Гнал он в топь всех косолапых, не забыв и про сохатых, а пернатых столько много, что вовек не сосчитать. В том порыве грозном, тёмном от напасти для зверья потемнела, опечалась, и озёрная вода.

Шим проворный старших братьев объегорил-обхитрил, за победу не сражаясь, пока те всю старались, бочку с кладом утащил. Долго ль, коротко скитался в неизведанной глуши, в бездне озера лесного он решил богатство скрыть. Лодку выдолбил долблёнку из огромного ствола и на ней поплыл с бочонком до приметного куста. Думал, утомятся братья клад украденный искать, вот тогда и станет Шиму поспокойней из бочонка драгоценности забрать.

Время шло неумолимо, но не сварен был кулеш, не прославил Шама с Шемом, братьев, погубивших лес. Был урок и для пройдохи, счастья нет с чужой беды. Пробудившись как-то утром, не увидел он привычных волн озёрных у избы. Шим помчался что есть духу, без долблётки и плота, там, где озеро плескалось, будто вечное, вчера, к омуту с большим бочонком у приметного куста. Но увидел только яму, что черней черна была. Окунулся с головою, так и след его простыл, ищет клад свой, где-то бродит в подземелье средь могил.

А озёрная вода погуляла и вернулась, став в народе называться шимозерскою она. Как накопятся напасти да обиды на людей, вновь уходит в неизвестность, чтобы сделать их добрей...

СКАЗ НА ПРОЩАНИЕ

Сорок сказов, сорок присказок дотерпели-дождались, поделились прежней мудростью, что хранили для других. Будто души-птицы вольные, словно звёзд полных россыпи, разлетелись светом-искрами, разгулялись по полям, океанам и морям, но вернуться обещали с новым коробом советов к близким сердцу теремам да к прадедовским ларцам.

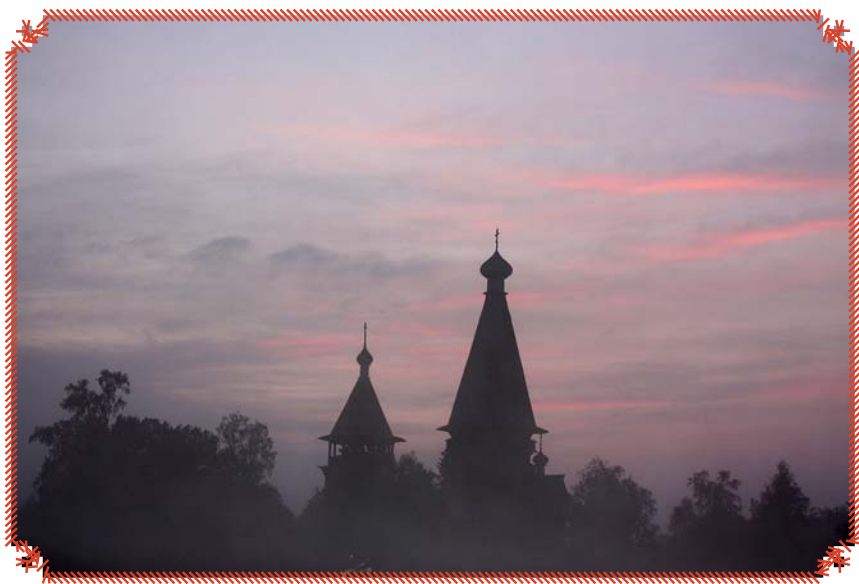
В день прощанья-расставанья сказ за сказом встали в ряд, чтоб любовь к Свири родимой и ко всем её притокам, к небесам над ней высоким да к озёрной синеве, к берегам-холмам лесистым, родникам-ручьям хрустальным да камням, выдавшим много, на хранение передать.

Зверю, птице и деревьям, разноцветью трав душистых, паучкам-жучкам, мошке, обитателей различных ненаглядного Присвирия — всех уважили поклоном и к народу обратились, что среди сосен корабельных да сестёр мохнатых – елей, у берёзок белоствольных, на земле отцов и дедов с благодарностью живёт и с душой творит добро.

Реки жизни многоводны, если мудростью полны, если копят предков память, что поможет с поднебесья в час суровый испытаний, непогоды и беды. Корни берегов родимых этой памятью крепки, в них источник вечной силы, веры, доброты, любви.

Каждый выберет дорогу, путь неблизкий и тернистый, в поисках своей звезды, чтобы поле жизни долгой распахать трудом усердным, ежедневным, ежегодным и с борта небесной лоды передать плоды-итоги по пути ещё идущим и, конечно, детям, внукам и родным, друзьям своим.

Собирая по корзинам зёрна дел и слов в пути, важно-нужно чистым сердцем, родниковую душою сбор, хранение вести. Будет и росы сиянье в первых солнышка лучах, лепестки цветов целебных, земляники туеса. Волчьих ягод с беленою и иных манящий яд, воронья, злоде-

ев крики, пустолаек суета, зависть слабых и обиды, боль от тех, кто предаёт, наглость-дерзость горделивых, подлых слов и дел ушат тоже будут по дороге, зла в пути не избежать.

Но величие и сила испокон веков была в очищении-прощенье, чтоб осталась родниковой, не отравленной обидой, чувством мести и зло-радства на земном пути душа.

С тем и разлетелись сказы, чтоб вернуться в терема, завершить успели дело, что когда-то начинали, в свете трепетном и тёплом из узорного окна.

Содержание

Предисловие	3
СКАЗ О СОТВОРЕНИИ МИРА	4
СКАЗ О ДЕТЯХ БЕРЕЗЫ	7
СКАЗ О СААМАХ	9
СКАЗ О ЧУДИ-ВЕСИ	12
СКАЗ О КАРЕЛАХ	14
СКАЗ О РУСИЧАХ	17
СКАЗ ПРО БОГАТСТВА СВИРИ	19
СКАЗ О СОКРОВИЩАХ ОЯТИ	21
СКАЗ О ТАЙНАХ ИМЁН	23
СКАЗ О РОДНОЙ СТОРОНЕ	25
СКАЗ О ЦЕЛИТЕЛЬНЫХ ТРАВАХ	28
СКАЗ О ВЕНЦАХ	30
СКАЗ О РОДНОМ ДОМЕ	33
СКАЗ О ЛЕСНОМ ХЛЕБЕ	35
СКАЗ О КЛАДАХ	38
СКАЗ О ВЕДУНАХ-КОЛДУНАХ	41
СКАЗ ПРО ГРИБНОГО ЦАРЯ	44
СКАЗ О СВИРСКИХ КОРАБЕЛАХ	47
СКАЗ ПРО БУРЛАКОВ	50

СКАЗ ПРО СВИРСКИЕ ПЛАЧИ	52
СКАЗ ПРО МАНДРОГИ.....	55
СКАЗ ОБ ОЗЕРЕ ЛЕБЕДЯ.....	58
СКАЗ О ВОЗНЕСЕНЬЕ.....	61
СКАЗ О КРАСНОМ БОРЕ	63
СКАЗ О ПОДПОРОЖЬЕ.....	66
СКАЗ О СВИРИЦЕ	68
СКАЗ ПРО АЛЁХОВЩИНУ	70
СКАЗ ПРО ВАЖИНКУ	73
СКАЗ ПРО ВИННИЦЫ.....	76
СКАЗ ПРО ВОНОЗЕРО	79
СКАЗ ПРО ИВАНА ОСТРОВ.....	82
СКАЗ ПРО КАНОМУ	85
СКАЗ ПРО КОНДИ-ХОЗЯИНА	88
СКАЗ ПРО ЛАДВУ	91
СКАЗ ПРО ПЕЧЕНИЦЫ.....	94
СКАЗ ПРО РАХКОЯ-ЗАСТУПНИКА.....	97
СКАЗ ПРО СПИРКУ-ЦЕЛИТЕЛЯ.....	100
СКАЗ ПРО ТЕРВЕНИЧИ.....	103
СКАЗ ПРО ТРЁХ БРАТЬЕВ.....	105
СКАЗ НА ПРОЩАНЬЕ.....	108

УДК 821.161.1-343.4
ББК 84(2=411.2)6-442
В19

Редакционная коллегия:

В. Ф. Етоев, Т. И. Етоева, Н. М. Ковальская, О. Г. Спиркова, З. И. Строгальщикова

Издание осуществлено по заказу комитета по местному самоуправлению, межнациональным и межконфессиональным отношениям Ленинградской области в рамках реализации подпрограммы «Поддержка этнокультурной самобытности коренных малочисленных народов, проживающих на территории Ленинградской области» государственной программы Ленинградской области «Устойчивое общественное развитие Ленинградской области», утвержденной постановлением Правительства Ленинградской области от 14 ноября 2013 года № 399.

Васильев П.

В19 Сорок сказов Присвирья. Сборник литературно-краеведческих произведений / Пётр Васильев. — Ленинградская область : ООО «МИР», 2019. — 112 с.

ISBN 978-5-6043052-1-8

Литературный сборник писателя Петра Васильева состоит из сорока отдельных произведений, написанных в традициях сказителей былин Русского Севера. В них отражены наиболее значимые культурно-исторические события Присвирья и мифология народов, заселивших этот край в период раннего Средневековья. Автор уделил особое внимание и топонимике, чтобы помочь читателям разгадать тайны названий здешних рек, озёр и поселений.

УДК 821.161.1-343.4
ББК 84(2=411.2)6-442

ISBN 978-5-6043052-1-8

© Текст. Пётр Васильев, 2019

© Издание, оформление. ООО «МИР», 2019

Сборник литературно-краеведческих произведений

Пётр Васильев
СОРОК СКАЗОВ ПРИСВИРЬЯ

Фотографии автора, за исключением изображений на стр 80 и 89,
взятых из открытых источников.

Дизайн и верстка *Пётр Щёголев*

Корректоры *Елена Шестакова, Антонина Филимонова*

Отпечатно в ООО «МИР»
394033, г. Воронеж, Ленинский проспект,
д. 119А, литера Я, офис 215
Печать офсетная. Тираж 300 экз.

12+

Книга не предназначена для продажи.